

Неспешные прогулки по Киеву Ведёт Анна Борисовна Островская

Улица Тарасовская, часть 1

Улица расположена между ул. Толстого и Жилянской. Она проложена в 30-тых гг. 19 века во время застройки местности вокруг Киевского университета (КУ). Из-за близости Киевского университета местность, на которой расположена улица, была названа Латинским кварталом по аналогии с парижским кварталом вокруг Сорбонны. Бытует легенда, что название улицы дали украинские студенты в Тараса Шевченко, но это не соответствует действительности. Ведь Шевченко (1809-1861) впервые приехал в Киев в 1829 г. крепостным казачком, а улица известна под этим названием с 1830-тых гг.

До 1914 г. улица относилась в 3-му разряду, её застройка была в основном 1-этажной, дома, как правило, принадлежали мещанам.

Так, известно, что после закладки университетского ботанического сада в 1839 г. для него на ул. Тарасовской был снят как временный огород у мещанки Байдачной за 20 руб., а также дом близ Киевского университета за 200 руб/год.

На улице охотно селились преподаватели и студенты Киевского университета. Дешёвые квартиры (по 3-4 рубля за комнату) переходили как по наследству от одного поколения студентов к другому. В 1860-1870-х гг. на улице появились 2-3-этажные дома, но тихие уединённые усадьбы и дешёвые квартиры надолго сохраняются на этой улице. Студенты часто и питались в тех домах, где селились. Но хозяйки были разные, и не всем везло. Так, Макаров в "Малой энциклопедии старины" пишет, что сильно не повезло в этом отношении компании студентов из Волынской губернии, поселившимся в 1859 г. в доме полковницы Сув на Тарасовской улице и решившим столоваться в заведении в соседнем доме. Один из студентов, скрывшийся под инициалами И.В.Е.Б писал: "Скудный обед наш, служащий нам пищей на целый день, был не достаточен для утоления голода, и не раз приходилось голодным садиться за стол и таким же вставать из-за него. Чтобы помочь беде, мы решили покупать на базаре хлеб и масло, которые не раз служили нам десертом после обеда, а также ужином и завтраком. Случалось не раз, несмотря на сильное желание есть, отказываться от обеда по причине отвратительного вкуса подаваемых блюд. Однажды я с таким энтузиазмом отскочил от стола, что едва не разломал стул, на котором сидел. Причиной тому была жареная картофель, вкус которой явно указывал на присутствие в ней свечного сала. Не менее этого мучили нас отвратительные щи, приготовленные из скорлупы гороха, боба или фасоли, которые напоминали нам нечто вроде еды, приготовляемой для рогатого скота. Отказаться от стола было невозможно, так как мы по неопытности заплатили хозяйке за 2 месяца вперёд."

Но постепенно малоэтажная застройка улицы сносится и на её месте в конце 19 – начале 20 вв. появляются многоэтажные дома. С 1914 г. улица относится в 1 разряду, и Тарасовская становится улицей поэтов, художников, архитекторов, профессоров, адвокатов, врачей. Одним словом, улицей интеллигентов. Один из

жильцов улицы, журналист Григорий Кипнис пишет: "Тарасовская прежде и больше всего улица поэтов. Трудно понять, почему именно их. Не потому ли, что сама Тарасовская - как поэзия. Такая истинно киевская, вся в каштановом цвету, вся в благоухании сирени, с булыжной мостовой, круто спускающаяся в сторону речки нашего детства – Лыбеди, с узкими тротуарами из жёлтого кирпича, красивая, уютная, тихая. Знали поэты, где жить и сочинять стихи".

Действительно, на улице в разное время жили Ахматова и Волошин, Семен Гудзенко и Бенедикт Лифшиц, Элан Блакитный и Максим Рыльский.

Улица была прямо таки Меккой киевской интеллигенции. Здесь действовала общественно-политическая и культурная организация киевской либеральной интеллигенции "Громада", в разное время на Тарасовской жили философы Орест Новицкий и Алексей Гиляров, ботаник Афанасий Прогович, художник Ге, архитектор Шлейфер, историк Михаил Грушевский. Очень много медиков либо родились, либо жили на этой улице. Это и акушер-гинеколог Александр Матвеев, и академик Николай Волкович, основавший в Киеве хирургическое общество, и академик Борис Маньковский, создавший неврологическую школу в Украине, и член-корр. Исаак Трахтенберг, занимавшийся проблемами профилактической медицины и экологии, и профессор Чайка. Одним словом, улица интеллигентов.

Но в то же время была у Тарасовской и недобрая слава. Григорий Кипнис пишет: "её называли босяцкой улицей, а то и бандитской, и это в самом деле было так, хотя в самом начале Тарасовской, где до сих пор расположена районная пожарная часть (когда-то с каланчой), находится ещё и милицейский участок".

Но обо всём по порядку. Сегодня мы поговорим только об одной усадьбе №1, расположенной на углу ул. Толстого и Тарасовской.

В середине 19 века усадьба принадлежала двум владельцам – д.с.с. Афанасию Роговичу и чиновнику Павлу Шлейферу.

Афанасий Семенович Рогович (1812-1872) был студентом первого набора Киевского университета. После заграничной практики в 1850 г. он стал магистром кафедры ботаники Киевского университета, а, защитив магистерскую диссертацию, возглавил её. Ботаник, палеоботаник, геолог, с 1852 по 1868 гг. он был директором ботсада, сменив его основателя Траутфеттера. Провёл важные исследования по акклиматизации растений.

Совладелец усадьбы – Павел Иванович Шлейфер (1814-1879) – отец известного архитектора Григория Шлейфера. Он родился в Киеве и после Академии художеств преподавал рисование в Киевском Институте Благородных девиц. В 1847 г. он неудачно конкурировал с Т. Шевченко за должность преподавателя рисования в Киевском университете. С 1852 г. он был архитектором Киевского учебного округа. Он строил Лютеранскую кирху по проекту Штрома, возводил 2 Киевскую гимназию, жилой дом на ул. Безаковской. Он был живописцем-портретистом, в нашем Национальном музее есть его работы, в частности "Портрет жены". Умер Павел Шлейфер в 1879 г., похоронен на Байковом кладбище.

К концу 19 века хозяином усадьбы становится купец 1 гильдии Абрам Меерович Бендерский, для которого в 1900 г. строят доходный дом в стиле

Киевского ренессанса с закругленным углом и угловой башенкой. В начале 20 века в этом доме поселился студент юридического факультета Киевского университета Бенедикт Лившиц. Портрет молодого Лившица оставил в воспоминаниях Александр Дейч: "Когда я вспоминаю о молодом Б.Лившице, передо мною отчётливо встаёт облик высокого красивого молодого человека с открытым мужественным лицом и приятным баритональным голосом. И вижу его я в маленькой комнате, 2-3 растрепанных учебника по римскому и гражданскому праву выглядели странным диссонансом на столе, заваленном томиками новой французской поэзии. 3 сборника антологии Вальнеа, где была собрана длинная вереница поэтов 19 и начала 20 веков, всегда сопровождали молодому поэту, отличавшемуся широким знанием мировой лирики".

Первые стихи Б.Лившиц написал ещё в гимназии. Печататься начал в 1909 г. в ж. "Аполлон", а в 1911 г. выходит первая книга его стихов "Флейта Марсия" в количестве 150 экз. Книга сонетов поражала изысканностью вкуса и формы.

Марсий, давший название книги, - это древнегреческий герой, осмелившийся соперничать с самим Аполлоном – кто из них лучший музыкант. Аполлон, игравший на скрипке, всех пробудил, а Марсий своей игрой на флейте всех усыпил. Разгневанный Аполлон приказал живьём содрать с Марсия кожу и выставить на Агоре, чтобы другим было неповадно соревноваться с богами. Но Лифшиц считал это не поражением, а победой Марсия – ведь он осмелился бросить вызов богам.

Да будет так. В залитых солнцем странах
Ты победил фригийца, Кифаред.
Но злейшая из всех твоих побед –
Неверная. О Марсиевых ранах
Нельзя забыть. Его кровавый след
Прошёл века. Встают, встают в туманах
Его сыны.

Бенедикт Лифшиц причислял себя к сынам Марсия, готовым бросить вызов Богу, пойти на страдания и жертвы, чтобы вновь запела Марсиева флейта.

Затем, что в круг высокой воли
И мы с тобой заточены,
И петь и бодрствовать доколе
Нам это велено, должны.

Б.Лифшиц пишет:

"Та полоса моей жизни, о которой я хочу рассказать, началась в декабре 1911 г., в маленькой комнатке на Тарасовской улице. Мои студенческие дела были сильно запущены: через 5 мес. мне предстояло держать госэкзамен, а между тем о некоторых предметах я имел весьма смутное представление. В ту пору у меня были все основания считать себя сложившимся поэтом – около года вышла из печати "Флейта Марсия", за которую Брюсов не побоялся выдать мне патент в мастерстве.

В Университете атмосфера была тошнотворная. По коридорам расхаживали с важным видом студенты-двуглавцы, члены монархической организации

"Двухглавый орел" - студенческий филиал организации "Союз русского народа". Жалкая горсточка, десятка 2 белоподкладочников, провинциальных хлыщей и безнадёжных тупиц были полновластными хозяевами положения. На лекции они приходили вооруженными до зубов, поблескивая никелированными кастетами, вызываясь перекладывая из кармана в карман щегольские браунинги, громохача налитыми свинцом дубинками. Разумеется, мы, подавляющее большинство, могли бы в одно мгновение расправиться с ними, но за ними стояла полиция, жандармерия, войско – весь солидно налаженный аппарат "подавления и предотвращения крамолы"".

Действительно, Киев в то время был оплотом русского мракобесия, цитаделью махрового черносотенства. Именно в Киеве было решено инсценировать прогремевшее на весь мир дело Бейлиса.

"Тупая обывательская морда подстерегала меня на каждом шагу. В её насмешливых прищуренных глазах я читал безмолвный вопрос: "Ну что, напился христианской крови?"".

Адя Экстер знакомит Лифшица с Давидом Бурлюком, и в 1912 г. он уезжает в Санкт-Петербург. Он быстро распрощался с юриспруденцией. Стал поэтом, переводчиком, создателем уникальной антологии новой французской поэзии, участником и летописцем зарождения русского футуризма, знатоком авангардной живописи. Его книга воспоминаний "Полутораглазый стрелец" - это история русской литературы начала 20 века. Он даёт нам портреты Бурлюка, Хлебникова, Маяковского, Северянина. Он никогда не занимал первых мест в ряду поэтов. "Литературный неудачник, я не знаю, как рождаются слова". Его книги выходили ничтожными тиражами. А трагическая гибель в 1938 г. погрузила его имя в полужабытьё.

С 1924 по 1941 и с 1943 по 1944 гг в этом доме жил биолог, эколог, академик Дмитрий Константинович Зеров (1895-1971). Это брат выдающегося поэта и литературоведа Мыколы Зерова. Он родился в Заньках на Полтавщине, в 1922 г. закончил Киевский университет и до 1957 г. преподавал в нём. Зеров был директором Института ботаники. Он ездил в экспедиции по Украине, Кавказу, Уралу, Алтаю. Изучал споровые растения, мхи. Разработал районирование болот Украины. Умер Зеров в 1971 г., похоронен на Байковом кладбище.

Во дворе усадьбы №1 было два флигеля. Не сохранился флигель 1а, в котором снимал квартиру член Киевской палаты уголовного и гражданского суда Александр Максимович Кириленко-Волошин. 28 мая 1877 г. в этом доме у него и жены Елены Оттобальдовны, урождённой Глезер, родился сын, которого называли Максимилианом. Родители Макса были широко образованными умными людьми. К сожалению, в Киеве они прожили недолго. Вскоре после рождения Макса семья переехала в Таганрог. Тут семью постигло несчастье – в октябре 1881 г. умер отец – юрист, неустанный защитник интересов рабочих и крестьян, очень общительный остроумный человек. Елена Оттобальдовна не захотела быть на попечении родных покойного мужа, проживавших в Киеве, и уехала с сыном в Москву, где стала работать в конторе строящейся в то время Московско-Брянской железной дороги.

Елена Оттобальдовна любила русскую классическую литературу и рано познакомила сына с лучшими её образцами. Благодаря удивительной памяти Макс уже в 4 года знал наизусть многие произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Любопытный, остроумный, не по годам развитый мальчик отличался большой любознательностью. Гуляя с няней, он видел, как обыкновенный холст на мольберте художника превращается в картину. Под легким движением кисти появляется свежий, дышащий морозом снег. Это живший по соседству художник Суриков писал этюд к своей картине "Боярыня Морозова". Мальчик был потрясён. С этого времени он не выпускал из рук карандаш и бумагу.

Оставшись без средств, семья переехала в Феодосию, где Волошин закончил гимназию. В Киеве бывал только наездами, навещая родственников. А потом мать покупает участок земли в Коктебеле. Там создаёт поэт и художник, великий гуманист Максимилиан Волошин свой "Дом поэта", в котором кто только не побывал – и сестры Цветаевы, и Мандельштам, и Алексей Толстой, и Грин, и многие другие. После Октябрьской революции на все уговоры друзей покинуть Россию Волошин отвечает отказом – "Когда мать больна, дети её остаются с нею". Он прячет в своём доме белых офицеров от большевиков и большевиков от белых.

Дом поэта

В недавние трагические годы
Усобица, и голод, и война,
Крестя мечом и пламенем народы,
Весь древний ужас подняли со дна.
В те дни мой дом, слепой и запустелый,
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер –
Фанатики непримиримых вер –
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал всё, чтоб братьям помешать
Себя губить, друг друга истреблять,
И сам читал в одном столбце с другими
В кровавых списках собственное имя.
Но в эти дни доносов и тревог
Счастливый жребий дом мой не оставил,
Ни власть не отняла, ни враг не сжёг,
Не предал друг, грабитель не ограбил.
Утихла буря. Догорал пожар.
Я принял жизнь и этот дом, как дар
Печальный, мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлён землею,

Всей грудью к морю, прямо на восток,
Обращена как церковь мастерская,
И снова человеческий поток
Сквозь дверь её течёт, не иссякая.
Войди мой гость, стряхни житейский прах
И плесень дум у моего порога...
Со дна веков тебе приветит строго
Огромный лик царицы Тианах.

Он – это человек - глыба. Он сам ощущает свою роль в истории мироздания:

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтобы пройти сквозь муки и крещение
Совести, огня и вод.
Один среди враждебных ратей
Не их, не ваш, не свой – ничей
Я голос внутренних ключей,
Я семя будущих зачатий.

Он пишет послание нам – потомкам:

Кто передаст потомкам нашу повесть?
Ни записи, ни мысли, ни слова
К ним не дойдут: все знаки слижет пламя
И выест кровь слепые письма.
Но может быть, благоговейно память
Случайный стих изустно сохранит.
Никто из вас не ведал то, что мы
Изжили до конца, вкусили полной мерой;
Свидетели великого распада,
Мы видели безумье целых рас,
Крушение царств, косматые светила,
Прообразы последнего суда.
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсис революций.

В последнем своём стихотворении, написанном перед смертью в 1932 г., он говорит:

**Революции губят лучших,
Самых чистых и самых святых,
Чтоб, зажав в тенетах паучьих,
Надругаться, высосав их.**

В Крыму остались гора с профилем Волошина, остался его дом, осталась его могила. А мы можем гордиться, что он родился в нашем городе на ул. Тарасовской.

А во флигеле, в котором родился Волошин, поселился Николай Маркиянович Волкович (1858-1928) – хирург, который в 1908 г. основал Хирургическое общество в Киеве и до самой смерти в 1928 г. возглавлял его. Он родился на Черкашине, окончил медицинский факультет Киевского университета, работал хирургом в разных больницах, преподавал на медфакультете Киевского университета. Он одним из первых стал делать сложные операции в брюшной полости, разработал приспособление для лечения переломов, которое названо его именем – "шина Волковича". Он создал отечественную школу хирургии. Похоронен на Байковом кладбище.

Флигель не дошёл до наших дней. Зато сохранился флигель 1б, который является памятником истории. Одноэтажный, деревянный, с террасой, в 1920 г. обложенный кирпичом, он принадлежал семейству Лифарей и с 1914 по 1917 гг. тут жил будущий знаменитый артист балета и балетмейстер Серж Лифарь (1905-1986), с именем которого связана целая эпоха в балете 20 века. Жизнь его была интересна и многогранна. Он родился в зажиточной дворянской семье. Его отец был служащим Департамента водного и лесного хозяйства, мать – дочерью крупного землевладельца. Она занималась воспитанием детей. В семье часто рассказывали о героических подвигах предков – запорожских казаков. Семейными реликвиями были старинные казацкие грамоты, данные Лифарям кошевыми атаманами Запорожской сечи.

В Киеве Лифари жили в собственной усадьбе на ул. Тарасовской, а праздники и каникулы проводили в родовом имении на Каневщине. Там играл с сельскими детьми и маленький Сережа, принимал участие в сельских праздниках и народных гуляниях. На всю жизнь запомнил свой первый театр в имении деда.

В 1912 г. он поступил в 1 Киевскую гимназию, но его заветной мечтой был Петербургский кадетский корпус.

В своей книге воспоминаний "Страдные годы" он пишет: "Я мечтал стать военным, обязательно кавалеристом. Видел себя стройного высокого и красивого – на седле на белой или чёрно-смолистой лошади, ловко гарцующего и ведущего в атаку свой эскадрон. Родители тоже мечтали о моей военной карьере – в нашей семье в то время было 12 военных, и я должен быть стать 13-ым. В 10 лет я бы поступил в Кадетский корпус. Вспыхнувшая летом 1914 г. война перечеркнула все планы".

9-летний Сергей с братом Василием и товарищем решают бежать на фронт. Но их выдала сестра Евгения, и отец с позором извлёк их из-под вагона на Киевском вокзале. Братьев отдают учиться в 8 Киевскую гимназию на Николаевской пл. (пл. Франка).

"Товарищи любили меня за то, - вспоминает Лифарь, - что я не был выскочкой, за то, что всегда стоял горой за класс, а ещё больше за шалости. Я истреблял в учительской письменные работы всего класса, спасал класс от трудных уроков

тем, что жёг в классе остатки снарядов, привезенных дядьями с фронта, или выпускал в классе "птичку".

Лифарь был очень музыкален; он пел в хоре Софиевского собора, и так хорошо пел в гимназическом хоре, что получил казенную стипендию.

"Революция захватила и меня 12-летнего мальчика. Вино свободы ударило в голову. Мы потребовали полной автономии нашей гимназии; отныне никто ни родители, ни учителя, не смеют вмешиваться ни в нашу жизнь, ни в нашу учёбу. Но по мере того, как углублялась революция. Во мне росли горечь, разочарование – жизнь становилась всё менее радостной и красивой, всё трудней, полной лишений, тревоги, опасностей. Начались долгие, долгие месяцы и годы непрерывных кошмаров. Наша киевская усадьба с громадным садом находилась около Ботанического сада. Около нас было ещё несколько усадеб – поместий в городе. В революционные годы эти усадьбы стали особо привлекать к себе внимание громил всякого рода. Остаться в усадьбе было невозможно, и в начале 1919 г. мы переехали в дом деда около Софиевской площади".

Но и там было беспокойно. Деда забрали на Садовую ул. в ЧК. И Сергей с матерью каждый день носили ему передачи. Однажды, движимый любопытством, он пошёл по комнатам. На мальчика никто не обращал внимания.

"Я подошёл к раскрытому окну, посмотрел вниз и то, что я увидел – никогда в жизни не забуду: на дворе чекисты бесстрастно, деловито, словно поленья дров, укладывали на грузовик тела своих жертв. Страшный крик ужаса вырвался у меня, я на секунду оцепенел, а затем бросился бежать".

Сергей бежал со всех ног, и только, прибежав домой, пришёл в себя. Через час вернулась с помертвевшим лицом мать. Взглянув на сына, она потеряла сознание. После его побега, в приёмной чекисты допытывались, с кем приходил мальчик, но она не проронила ни слова. Через месяц вернулся дед, за которого вступились крестьяне его деревни и Американский Красный Крест. Ушёл он мощным, крепким, как дуб (в 80 лет!), а вернулся надломленным, поседевшим и почти ослепшим стариком. Он ничего не рассказывал. Только слёзы текли по его исхудавшим щекам.

А ещё через несколько дней, в их комнату, разбив стекло, влетел голубь и сел на большую икону Божьей Матери. Икона с шумом упала на пол. А на другой день пришло известие из имения деда под Каменкой, где оставалась бабушка: ночью шайка вооружённых грабителей напала на усадьбу. Крестьяне ударили в набат и похватили вилы, лопаты, топоры, бросились на защиту помещицы. Но вооружённые грабители зверски убили бабушку и разграбили усадьбу.

В октябре 1919 г., когда в Киеве была Добровольческая армия, из гимназистов был сформирован сокольский отряд. Лифарь оказался в сборном отряде – в нём были и ветераны Гражданской войны, и кадеты, и гимназисты. Они защищали Киев от наступающих большевиков на Борщаговке. Лифарь вспоминает: "Я получил срочную командировку в Киев. Вернувшись через 2 дня, я с ужасом узнал, что отряд украинских партизан (конечно же большевистских) в несколько сот всадников внезапно атаковал Борщаговку, когда его гарнизон – весь наш отряд из 70 человек, безмятежно спал. Началась остервенелая резня ещё не

пришедших в себя безоружных добровольцев. Юных кадетов и гимназистов не только не пощадили, но подвергали самым изуверским пыткам – их медленно рубили тупыми шашками, вырывали клещами языки, отрезали носы и уши, выкалывали глаза. Этот кошмар длился до утра, - утром отряд белых выбил украинцев из Борщаговки.

Город утром устроил торжественные похороны несчастных мальчиков. После я доходил до галлюцинаций и вскрикивал от ужаса во сне. После Борщаговки и похорон я был уже другим".

Когда белая армия покидала Киев, генерал Драгомиров поручил 50-ти гимназистам в юнкерской форме, среди которых были братья Лифари, поддержание порядка в городе и уничтожение архивов. Он сказал: "Вам, молодые герои, выпала великая историческая миссия. Окажитесь достойными её. Будьте настоящими героями и когда уничтожите все архивы, вливайтесь в 34 Сибирский полк. Вы все представлены к Георгиевским крестам."

Приказ юнкера выполнили. Жечь архивы было некогда. Их разворачивали ручными гранатами. А потом отправились искать 34 Сибирский полк. После долгих поисков нашли его. Весь его штаб состоял из одного несчастного растерявшегося поручика и нескольких солдат. Поручик срывал погоны и кричал: "Разбегайтесь! Спасайте себя! Всё кончено, погибло, никакой родины у нас нет, ничего нет!"

Но 15-16-летние юнкера не хотели сдаваться. Они побежали по улицам вымершего города. В это время на Думской площади показались Красные казаки и начали стрелять. Сергея ранило в руку, он потерял сознание, но брат Василий втянул его в подъезд их дома на Ирининской.

Почти все их товарищи погибли. Когда раздался треск пулемётов, они бросились во дворы и подъезды ближайших домов, но дворники исполнили приказ начальства никого не впускать, кроме жильцов дома.

Несколько месяцев пришлось лечить руку. Весной 1920 г. Сергей с братом и отцом покидают Киев. И началась жизнь лесных бродяг. Они рубили в лесах деревья, пилили дрова и выкорчёвывали пни. Расплачивались с ними продуктами, которые Сергей ночью тайно привозил в Киев семье. Узнав, что в Киеве их никто не разыскивает за службу в добровольческой армии, они возвращаются в Киев. Но тут объявляется мобилизация всех, родившихся в 1903-1905 гг. для борьбы с белополяками. И тысячу юношей от 15 до 17 лет грузят на пароходы "Император Николай 2" и "Императрица Мария", переименованные недавно в "Ленин" и "Свердлов". Сергей попадает на "Николай 2". Ещё совсем недавно отец устраивал на этом пароходе гимназический праздник под названием "Бал весенних ландышей". Тогда весь пароход был украшен цветами и гирляндами китайских фонариков, гремел оркестр. Царицей бала была старшая сестра Сергея – Евгения. А теперь на замызанном, грязном, обветшавшем пароходе под звуки "Интернационала" сбились стадом юноши с узелками. Вечером пароходы поплыли вверх по Днепру. Говорили, что везут их на войну с поляками. Но у них не было даже винтовок. Сергеем овладело острое беспокойство, предчувствие, что их всех ждёт гибель. И ночью он прыгает в Днепр и 50 км плывёт вниз по

течению. Плыть в сапогах и намокшей одежде тяжело, пришлось всё с себя снять. Несколько раз он терял силы, выходил на берег, бегал, чтобы согреться и снова плыл. Уже днём доплыл до Труханова острова. Знакомые на спасательной станции как-то одели его, накормили и уложили спать. Силы окончательно покинули его, он спал до вечера, к ночи вернулся домой. А через несколько дней узнал, что его пароход взорвался (или был взорван). Все погибли.

Гимназию, переименованную в "Трудовую советскую школу", давно закрыли. 16-летнего Сергея забирают в Красную Армию, делают краскомом, но отпускают для поступления в Университет. Но он убегает из этого "храма науки", где после всего пережитого его спрашивают – сколько частей Света, сколько будет 6 x 6. Он без цели скитается по городу, и как-то приятель уговорил его зайти в балетную школу Брониславы Нижинской на Ярославом Валу. Её ученицы танцевали под музыку Шопена и Шумана.

"Сердце моё забилось трепетно и взволновано, душа проснулась от своего мертвящего сна, мною овладел такой восторг, что слёзы подступили к горлу. Я полюбил. Я стал танцором, ещё не умея танцевать, ещё не зная танцевальной техники, но я знал, что я овладею ею, и что ничто, никакие препятствия не остановят меня на этой моей дороге".

Он пытался поступить в частную балетную студию, но Нежинская не приняла его, назвав горбатым. Пройдут годы прежде чем тело его назовут божественным, и он станет Икаром XX века, танцовщиком №1 в Европе.

Чтобы сохранить частную балетную студию, Нежинская даёт бесплатные уроки в Центростудии для "масс". Тут и получает Лифарь азы хореографии. А когда в апреле 1921 г. Нежинская уезжает из Киева, Сергей запирается в квартире на 2 этаже этого дома. Он продолжает танцевать, читает, думает. Отшельничество даёт свои плоды – он чудесно танцует, и когда Нежинская приглашает приехать в Париж для пополнения группы Дягилева 5 лучших учеников своей студии, выбор падает на Лифаря. И он уходит из дома на ул. Ирининской на вокзал. Уехать было трудно. Была зима. Юный Сергей прятался под вагонами поезда, держась голыми руками за приступки. От мороза кожа на руках приставала к металлическим деталям потом приходилось отрывать куски кожи. Почти контрабандно он пересек несколько границ, пока добрался до Парижа. Там он поступает в труппу Сергея Дягилева "Русские сезоны" и вскоре становится лучшим артистом Дягилевского балета, приобретает мировую известность. Вершиной его творчества стал балет "Икар", который собираются поставить в нашем театре.

После смерти Дягилева в 1929 г. Лифарь возглавил балетную группу Парижской Гранд-опера, вернув Парижу статус "столицы танца". Благодарные парижане называют Лифаря "Петипа из России", а он никогда не забывал свой родной город. Он писал: "Только тот, кто был в Киеве, кто смотрел с Царской площади на широкий торжественно-величавый Днепр и необъятный простор зелёных далей, кто бывал в Выдубеческом монастыре, только тот поймёт, почему для киевлянина нет ничего дороже Киева, с его Днепром с детства входящем во всё существо".

Только в 1961 г. во время турпоездки по Союзу ему удалось посетить родной город, побывать на могиле родителей. Последний раз они видели сына 18-летним юношей.

В Гранд-опера Лифарь выступал в 4 ипостасях – солиста, хореографа, руководителя и хореографа парижской труппы. Здесь он поставил более 200 балетных спектаклей. Во время оккупации Лифарь был директором Гранд-опера. Сопротивление обвинило его в сотрудничестве с гитлеровцами и приговорило к смертной казни. И в 1944 г. он был вынужден перебраться в Монако. Но в 1947 г. это обвинение было снято, он возвратился во Францию и основал Международный институт хореографии. Он вёл курс истории танца в Сорбонне, был дирижёром консерватории им. Рахманинова в Париже, членом общества сохранения русских культурных ценностей. Вертинский пишет: "Зарабатывая огромные деньги, Лифарь тратил их на покупку материалов о Пушкине, ещё не опубликованных в печати, стихов, рисунков. Эти реликвии он скупал у русских аристократов иногда за большие деньги. Его коллекция представляла очень большую ценность. "Всё это подарю родине" - говорил он".

Серж Лифарь умер от рака в 1986 г., похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа. На чёрном граните его надгробия выбита лаконическая надпись – "Серж Лифарь из Киева". Он так и не принял французского гражданства, так как не хотел отречься от своих корней, предков и земли, где родился. Он говорил: "Я украинец, и этим горжусь".

Его вдова графиня Лилиан Алленфельд, с которой они прожили 31 год, уже несколько раз приезжала в Киев. Она передала в Библиотеку искусств Украины уникальную коллекцию книг Лифаря. По её словам, она выполняла волю супруга. Она хочет, чтобы все книги были доступны читателям. В фонде библиотеки теперь хранится портрет Лифаря, выполненный Пабло Пикассо. Правда, на двери этой комнаты висит большой замок.

На сцене Национальной оперы с 1994 г. ежегодно проводится международный фестиваль балета "Серж Лифарь де ля данс". В музей исторических драгоценностей Киева вдова Лифаря передала 2 туфельки – "Золотую туфельку", высшую награду в области балета, которой был награждён Лифарь в 1955 г. (стоит 1 млн. \$, балетный "Оскар") и тряпичную туфельку, сохранившуюся ещё с занятий в Киеве. "Вы их никогда не разлучайте" - попросила она – "Ведь в одной боль и пот, а в другой слава".

И хотя всю жизнь Лифаря преследовали слухи о его нетрадиционной сексуальной ориентации, которые не прекращались даже после его женитьбы, брак его оказался счастливым. Лилиан Алленфельд пишет: "Мы прожили вместе 31 год. Порой мне кажется, что они пролетели, как один день. Это был самый светлый и лучший период в моей судьбе."

И мне кажется, что было бы очень справедливо, если бы в этом, чудом сохранившемся домике, который сейчас является частной собственностью, был организован музей нашего знаменитого земляка.

С 1924 по 1968 гг. флигель 16 принадлежал крупному урологу-хирургу, генералу медицинской службы, проф. Андронику Архиповичу Чайке (1881-1968).

До войны он был профессором Киевского института усовершенствования врачей, а после войны заведовал кафедрой урологии Киевского медицинского института. В войну он руководил госпиталем. Он прославился лечением аденом и рака предстательной железы. Это был учёный мирового уровня. До войны он принимал частным образом в этом доме, а затем в своей клинике в Октябрьской больнице. У него была дача на Зверинце. На даче в гостях у него перебивал весь цвет Киева. После дождя они прямо ведром черпали рыбу из Днепра. Дача заканчивалась мысом Чайки, на которой археологи нашли остатки Красного двора князя Всеволода, где прошло детство Владимира Мономаха, где умер основатель Москвы Юрий Долгорукий. В войну на мысу стояли зенитные батареи, всё – и строение и сад были уничтожены. Осталась только засохшая ветла.

А здесь, на Тарасовской, сад профессора Чайки был, пожалуй, самым богатым и как магнитом притягивал всю окрестную детвору. Григорий Кипнис вспоминает: "Ни собаки, ни колючая проволока на заборе, постоянно терзавшая наши штаны, ни то, что нас нередко брали в плен в качестве заложников, а отпускали в руки только родителей, которые тут же применяли соответствующие санкции – ничто не могло удержать нас от набегов на яблони и груши профессора Чайки, сад которого, пожалуй, был самым большим среди дворовых. За ним ухаживал дядя Степан Яловой, отец 4-х сыновей, три из которых посвятили свою жизнь цирку. Можете себе представить, что это представляло для нас, пацанов, на глазах которых братья ходили по аллеям и дорожкам – но как?! – на руках вниз головой! Впоследствии, они стали знаменитыми на всю страну силовыми акробатами. Нужно ли удивляться, что с самого раннего детства мы пропадали в цирке.

А зимой наша Тарасовская превращалась в сплошную санную горку. Обгоняя друг друга, мы с визгом и улюлюканьем мчались вниз на санках, развивая дикую скорость – по крутизне наша улица занимала одно из первых мест в Киеве. Шиком считалось проскочить через трамвайные рельсы ул. Саксаганской перед самым носом у вагона "пульмана". Смертельный номер! Слава Богу, обходилось без жертв. А мы получили ещё и урок фатализма."

Проф. Чайка жил в этом доме до смерти в 1968 г. До сих пор в Киеве, возможно, что в этом доме живут его внуки.

Вот и закончилась наша экскурсия, которая была посвящена только одной усадьбе на ул. Тарасовской. И как тут не вспомнить слова Паустовского: "История домов бывает иногда интересней жизни человека. Дома долговечнее, чем люди, и становятся свидетелями жизни нескольких поколений".

Улица Тарасовская, часть 2

№3. Усадьба №3 принадлежала Марии Андреевне Скибинской. В 1903 г. арх. Шехонин строит на усадьбе дом №3, который является памятником архитектуры, как жилой дом начала 20 века. Он построен в стиле модерн – фасад украшают 2 гранитных эркера, пилястры коринфского ордера на уровне 5-6 этажа и немногочисленные вставки с крупным растительным орнаментом. После войны был построен скучный дом №3.

Григорий Кипнис называет Тарасовскую улицей интеллигентов. Он пишет: "Это была улица поэтов, художников, архитекторов, но прежде - всего улица поэтов. Трудно понять, почему именно их. Не потому ли, что сама Тарасовская - как поэма. Такая истинно Киевская – вся в каштановом цвету, вся в благоухании сирени, в булыжной мостовой, круто спускающейся в сторону речки нашего детства – Лыбеди, с узкими тротуарами из желтого кирпича, красивая, уютная, тихая. Знали поэты, где жить и сочинять стихи".

Вот и в доме №3 жили два интересных поэта. В мае 1988 г. на фасаде дома №3 была торжественно открыта мемориальная доска поэту – фронтовику Семёну Гудзенко, который жил в этом доме с 1927 г. по 1939 г. В стихотворении "Памяти Семёна Гудзенко" его младший товарищ, московский поэт Александр Межиров писал:

Полумужчины, полудети,
На фронт ушедшие из школ,
Мы так и не жили на свете –
Наш возраст в силу не вошёл.
Лишь первую о жизни фразу
Успели занести в тетрадь –
С войны вернулись мы и сразу
Заторопились умирать.

Семён Гудзенко родился в Киеве в 1922 г.. Он пишет:

Я родился в этом городе, рос,
Мне не надо в этом городе роз,
Мне не надо в этом городе дач.
Мне не надо в этом городе и удач и неудач.
Тишины мне бы каштановой и весны.
Я бы начал юность заново, пусть с войны.

До войны он жил на 3-ем этаже дома №3 в кв.8. Дома и на улице его звали Сарик. Кипнис вспоминает: "Он был мальчишкой весёлым и остроумным, пользовался всеобщим уважением – и у товарищей, и у их родителей, которые всегда ставили его в пример, и даже у самых отъявленных босяков на нашей славной улице. А слава у Тарасовской была громкая. Её называли босяцкой улицей, а то и бандитской, и это в самом деле было так, хотя в самом начале улицы, где до сих пор расположена районная пожарная часть (когда-то с каланчой) находился ещё и милицейский участок."

Сарик учился в школе, занимался в литературной студии Дома пионеров. Её вела Ариадна Грубовая, воспитавшая плеяду поэтов: Коржавина, Когана, Гудзенко. В 1939 г. Гудзенко поступает в ИФЛИ (Московский институт философии, литературы, истории). Уже с первых опубликованных стихов он становится лидером нового поэтического поколения – поэтов-фронтовиков. Он заканчивал 2 курс, когда началась война.

В июле 1941 г. Гудзенко с трудом добился зачисления в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (у него было слабое зрение). В этой бригаде были необстрелянные студенты, спортсмены, рабочая молодёжь. Они

защищали Москву. У них было задание минировать мосты в прифронтовой полосе, ж/д станции, склады и взрывать их, отходя за последними нашими войсками. В редкие минуты затишья Гудзенко писал стихи, которых печатали в многотиражной газете "Победа за нами". Затем его отряд направляют в тыл врага – в район Брянска-Смоленска. Он был в одном отряде с Зоей Космодемьянской. Особенно тяжёлыми были бои в январе 1942 г. Гудзенко пишет:

Когда на смерть идут – потом
И перед этим можно плакать,
Ведь самый страшный час в бою –
Час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
И почернел от пыли минной.
Разрыв. И умирает друг
И значит - смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черёд.
За мной одним идёт охота.
Будь проклят сорок первый год,
И вмерзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я – магнит,
Что я притягиваю мины,
Разрыв – и лейтенант хрипит,
И смерть опять проходит мимо,
Но мы уже не в силах ждать,
И нас ведёт через траншеи
Окоченевшая вражда,
Штыком дырявящая шеи.
Был бой короткий. А потом
Глушили водку ледяную,
И выковыривал ножом
Из-под ногтей я кровь чужую.

Гудзенко 4 раза ранило. Последнее ранение было самым страшным – осколочное ранение в живот. После полугода госпиталей Гудзенко был признан негодным к строевой службе, но до конца войны он служит в редакции газеты "Победа за нами". Нежный лирический поэт, теперь пропахший порохом войны, пишет мудрые и горькие стихи: Моё поколение.

Моё поколение (С. Гудзенко)

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как перед господом богом чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
На могилах у мёртвых расцвели голубые цветы.
Расцвели и опали...
Проходит четвёртая осень.
Наши матери плачут, и ровесницы молча грустят.
Мы не знали любви, не извели счастья ремёсел,

Нам досталась на долю нелегкая участь солдат.
У погодков моих ни стихов, ни любви, ни покоя –
Только сила и зависть. А когда возвратимся с войны,
Всё долюбим сполна и напишем, ровесник, такое,
Что отцами-солдатами будут гордиться сыны.
Ну, а кто не вернётся? Кому долюбить не придётся?
Ну, а кто в сорок первом первую пулей сражён?
Зарыдает ровесница, мать на пороге забьётся, -
У погодков моих ни стихов, ни покоя, ни жён.
Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают
Эту взятую с боем суровую правду солдат.
И твои костыли, и смертельная рана сквозная
И могилы над Волгой, где тысячи юных лежат, -
Это с ней мы ругались и пели,
Поднимались в атаку, и рвали над Бугом мосты.
Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого не жалели,
Мы пред нашей Россией и в трудные годы чисты.
После войны Гудзенко писал стихи, женился, родилась дочь Катюша.
Дочка у меня такая милая,
Милая, как дети всей земли –
Землю полюбил я с новой силою,
Новые мечты ко мне пришли.

Казалось бы – жизнь налаживается. Но нет здоровья. Оправдываются его пророческие строки.

Мы не от старости умрём –
От старых ран умрём.

Его настигает тяжёлая болезнь – отзвук военных ранений. Ему сделали несколько операций. Он с тоской вспоминает свой родной Киев, город детства и юности, город первой любви.

Был Киев первой любовью,
Не забываемой вовек.
Он знает, что дни его сочтены. Последние его стихи:
Ждёт меня любимая работа,
Верные товарищи, семья,
До чего мне жить теперь охота,
Будто вновь с войны вернулся я.

Он так и не увидел свою дочку Катюшу взрослой. Он умер 15 февраля 1953 г., не дожив несколько дней до 31 года.

В этом же доме жил школьный друг Семёна Гудзенко, у которого тот всегда останавливался, приезжая из Москвы – Аркадий Голинский – журналист, спортивный комментатор. Он сохранил многие неопубликованные стихи Гудзенко, которые публикуются только сейчас.

А в 1919 г. в доме №3а была коммуна, которую организовал и возглавлял интересный поэт и прозаик того времени – Василь Элланский (1894-1925). До нас

дошёл только один сборник его стихов, которые сейчас читать трудно, так как его стихи носят газетно-декларативный характер, что-то типа украинского Демьяна Бедного. Он относится к зачинателям советской украинской литературы. Его поэзия возникла в огне Гражданской войны, она полна боевыми мотивами и уверенности в конечной победе трудового народа.

Ни слова, друзья, про покой, про усталость!
Пусть марши гремят. Пусть бодрят они!
Хоть тёмная новь по земле разметалась –
Уж где-то рассветные бродят огни.

Василий Михайлович Элланский родился на Черниговщине в 1894 г. ему было 4 года, когда умер отец. Осталось 4 детей. Учился в приходской школе, бурсе и черниговской семинарии. Ещё учась в бурсе, он принимает участие в революционных кружках. Поступив в Киевский коммерческий институт, он сразу включается в политическую работу. С 1911 г. он уже под надзором полиции, его не раз арестовывают, он активно работает, как революционер - у подпольщиков. Его подпольная кличка – Эллан.

Очень рано, в 1912 г. (18 лет) он начинает писать стихи, которые близки поэзии Маяковского.

Если крик мой бежит под звон ассонанса,
Если тяжки шаги моих стихов –
Знайте: не высь Парнаса
Разнежит меня теплицей снов.
Я меж вас молодых и потасканных,
В душном кругу изломанных фраз –
Самый молодой и самый прекрасный,
И самый бесстрашный из всех из вас.

Его стихи тесно связаны с событиями, происходящими в Украине.

Ни про сиротку, глядящего с мукою,
Ни про бездомного, голодного пса,
Ни о любви, омрачённой разлукою,
Не буду! Не в силах писать!
Где-то там, на нивах Волыни, в Галиции
Кровавый дымится след,
А мы – по привычке – с бесстрастными лицами
Пробегаем страницы газет.
Вдумайтесь: юных убить без счёта,
А сколько томится в плену!
Чтоб карманы набил себе кто-то,
Чтоб не бесславно закончить войну.

Вам не кажется, что хотя эти стихи написаны о Первой мировой войне, они актуальны и сейчас, когда никак не закончится война в Чечне.

До 1915 г. он учился в Киевском коммерческом институте, а потом вернулся в Чернигов, где живут его друзья – большевики – Подвойский, Примаков, Ю.Коцюбинский (сын). В 1917 г. он приезжает в Киев; во время правления

гетмана Скоропадского его арестовали, и он 5 месяцев проводит в Лукьяновской тюрьме. Здесь он познакомился со своей будущей женой – Лидией Евгеньевной Вовчик, которая пришла к нему в тюрьму как "невеста" по поручению ЦК большевиков. Когда город захватили петлюровцы и белогвардейцы, Эллан уходит в подполье, не живет и не ночует в одном месте.

При деникинцах он жил в сторожке при Байковом кладбище. Его так загримировали под 50-летнего украинца с бородкой и отвислыми усами, в старомодном костюме и бриле, что даже Лида не узнала его на улице.

А вот в 1919 г. при советской власти он жил в коммуне на Тарасовской 3а. Он – душа коммуны, организатор быта, завхоз и источник веселых шуток, смеха. Его называли "лоцманом коммуны", "Микробом радости". Очень молодой, подвижный, синеглазый с золотистыми волосами над высоким лбом, он рано вставал и шёл в Ботанический сад. Возвращался с букетами весенних цветов, которые расставлял в комнатах коммуны, говоря: "Дети, цветы и музыка – вот самое лучшее на свете".

Хтось вночі заломить у смертній тузі руки,
Наче хвиля, защемить печаль
Жалібні Шопена звуки
Розіллє, ридаючи роять.

Он редактирует газету "Боротьба", в которой он сам пишет статьи, фельетоны, стихи; он редактор, переводчик, корректор. Стихи он подписывает Василь Блакитный, фельетоны – Маркиз Попелястый. В своих стихах он призывает к борьбе:

За життя розплата тільки кров'ю,
Тільки смертю переможеш смерть.

Он был членом ЦК украинских эсеров-боротьбистов, а с 1920 г. – член ЦК КП(б)У и член реввоенсовета 12 армии, воевавшей с белополяками. Когда в июне 1920 г. 12 армия освободила Киев, он пишет:

Нужны нам нервы из каната
И чувства – железобетон.
Сквозь бури нужен лёт крылатый,
Гремите ж трубы чувства в тон.

Он очень много работает. Пишет в письме: "Любі мої! Зараз затягнений роботою так, що не маю часу навіть подумати про себе. Спимо по 3 години. Але немає незадоволення. Немає нудьги. Тільки рух, робота, боротьба. Я уперто вірю в свої сили і в сили революції: ніякі мерзоти сучасного цієї віри не зломлять. Здоров'я моє середнє, та років на два вистачить, а це ж тепер ціле століття".

Напряжённая, чрезвычайно нервная работа свалила его за 5 лет – он умер от тяжёлой болезни сердца 4.12.1925 г. (в 31 год).

В сталинское время все боротьбисты были уничтожены. А Эллана-Блакитного покарали посмертной карой – забвением, суровым запретом его произведений и даже имени. Только в независимой Украине вышел 2-томник этого замечательного поэта и прозаика, видного политического деятеля, большая часть короткой жизни которого прошла в нашем городе.

№2. 70 лет угловая усадьба принадлежала семье Новицких (с 1834 г.). Здесь ещё в послевоенные годы на углу Тарасовской и Толстого стоял особняк в стиле ампира, известный среди киевлян как дом проф. Новицкого. Немного найдётся в Киеве особняков, где жизнь их обитателей на протяжении многих десятилетий так тесно была связана с развитием украинской науки, культуры и развитием украинского движения вообще.

Как отметил Эрнст, Орест Маркович Новицкий один из первых среди профессоров Университета закончил строить собственный особняк. Профессор дружил с архитектором Александром Беретти и, возможно, именно ему принадлежит авторство проекта дома. Это был классический образец усадебно-особняковой застройки, где кроме особняка стоял флигель и хозяйственные сооружения. Фасадный дом представлял собой одноэтажный дом, крытый железом, с деревянными и лепными украшениями. Фасад дома украшали 4 ионические колонны. Орест Маркович Новицкий (1806-1884) происходил из старинного дворянского рода на Волыни. Он успешно закончил Острожскую семинарию и был направлен в Киевскую духовную академию (КДА), которую закончил в 25 лет магистром богословия. С 1834 г. преподавал философию в Киевском университете и КДА. Кудрявцев писал про него: "Не скажу, что Новицкий был природным философом. В юности он мечтал о медицинской карьере. Обладая ясным умом, солидными научными ресурсами, даром слова и умея работать регулярно и методично, он руководил философской кафедрой не только с честью, но и блестяще". Он издал учебники по психологии и логике, его неоднократно избирали деканом философского факультета.

В 1850 г. царское правительство, напуганное популяризацией революционных идей в Западной Европе, закрывает философскую кафедру, и 44-летний Орест Новицкий в расцвете творческих сил оставляет КУ. Но не прекращает своей деятельности: в 1861 г. выходит его 4-томный труд по истории древней философии.

В доме Новицких часто бывали преподаватели КУ Антонович, Драгоманов, Кистяковский. Собирались тут и члены Старой Громады, казначеем которой был сын профессора Измаил Орестович (инженер, фабричный инспектор). Активно работал в Громаде и муж дочери Зинаиды – Вильгельм Людвигович Беренштам (1838-1904). Он работал в газете "Киевский телеграф", которая некоторое время была рупором украинского движения. И с 1869 г. члены Громады регулярно собирались по субботам в доме на Тарасовской 2. Тут были и Антонович, и Т.Рыльский, и Житецкий, и Чубинский.

В 1884 г. умерли супруги Новицкие – в апреле Матрена Степановна, в июне – Орест Маркович. Владельцем усадьбы становится сын Измаил Орестович. Ещё будучи студентом, он женился на Ольге Ивановне Полетика, выпускнице Института благородных девиц. Она происходила из украинского старшинского рода Полетик. Её предки посвятили жизнь сбору документов по истории Украины 16-18 вв. Любовь к Украине передавалась из поколения в поколение в семьях Полетик и Новицких. В этом духе воспитывали они 3-х своих детей. Измаил Новицкий служил инспектором Киевского фабричного округа. Но это была

только первая сторона его жизни. А другая тайная – участие в Старой Громаде, большинство членов которой, в том числе и Новицкий были под надзором полиции. И, несмотря на это, в доме №2 продолжали встречаться Антонович, Житецкий, Косач, Лысенко, Старицкий, Стешенко и др.

Измаил Орестович умер в 1918 г., а его сын Виктор Измаилович был историком-правоведом. В 1920-1932 гг. он работал в Киевском архиве древних актов. В 1933 г. арестован, а в 1938 г. расстрелян. Так закончилась история владельцев усадьбы по Тарасовской 2.

Но вернёмся в середину 19 века. Как и вся тогдашняя профессура, Орест Новицкий некоторые комнаты в своём доме сдавал студентам и преподавателям КУ. В 1847-1848 гг. тут жил и рисовал на стенах карикатуры на тогдашних чиновников студент-математик, а впоследствии один из самых своеобразных художников второй половины 19 века – Николай Николаевич Ге (1831-1894).

Он родился в Воронеже, необычная для русского фамилия была унаследована им от прадеда французского эмигранта. Свирепствовавшая в год рождения художника холера унесла жизнь его матери спустя 3 месяца после его рождения. Детство прошло в Украине, в поместье отца-помещика, отставного офицера, который постоянно находился в разъездах. Мальчик рос целиком на попечении ласковой, чрезвычайно богомольной бабушки и молодой крепостной няни, которую Ге назвал впоследствии своей "учительницей правды, учительницей жизни". Он рос в обстановке тяжёлого крепостнического быта и на всю жизнь сохранил воспоминания о зверствах управляющего, о насмерть забитом солдате, о горе и неволе народа.

С хутора Плиски его привезли в Киев, где он поступил в Первую киевскую гимназию (она тогда находилась в Кловском дворце). В своих воспоминаниях "Киевская 1 гимназия в 40-х гг." Ге тепло вспоминает своих учителей, из которых самым любимым был преподававший историю Костомаров. А другой учитель определил его судьбу. Ге пишет: "Среди преподавателей был маленький человек и ростом и своей скромностью, сознанием своего ничтожества. Для меня же этот человек был самая близкая душа. Это был учитель рисования Федор Алексеевич Беляев. Он был человек без роду, без племени, но Бог дал ему дарование – он попал в Академию Художеств, прекрасно рисовал. Но с ним случилось горе – у него умерла невеста. Он заболел, чуть не умер, а выздоровевшим увидел себя вне Академии, беспомощным, без средств. Случайно попался на глаза попечителю Киевского округа Фон-Брадке и тот назначил его учителем рисования в Киевскую гимназию – вот тут он и погибал. Всякий знает, что такое уроки рисования в гимназии. Это время гульбы – шум, гам и крик. И вот среди этого варварства он встретил мальчика, который во всё свободное время только и делает, что рисует. Федор Алексеевич, разумеется, любит этого мальчика и поэтому ещё больше боится, чтобы не попал на его карьеру, а потому кроется от него. Но я неудержимо стремлюсь к нему. Я приходил в его маленькую комнату на Екатерининской улице. Мы мало разговаривали, но я много рисовал, показывал ему свои рисунки. Когда я получил вторую золотую медаль в Академии художеств, я заехал к нему. Он мне сказал грустным голосом: "Я знал, что ты

будешь художником; я тебе не говорил этого, я боялся тебя соблазнить – это большое горе и несчастье"".

Вот этого скромного человека Ге считал своим первым учителем. В годы учёбы в гимназии Ге страстно увлекается музыкой, литературой и, особенно, историей. Он подружился с будущим скульптором Парменом Забеллой, который предсказывает ему будущность художника. Но Ге не верит в свои силы, и по настоянию отца в 1847 г. поступает на математический факультет Киевского университета. Вот тогда-то и поселяется поближе к Университету в доме Ореста Новицкого.

В своей автобиографии О.Новицкий пишет: "Вместе с Ге жил и его репетитор католик Остап Избицкий. К тому времени Избицкий уже закончил Киевский университет и жил в Киеве. Позже он сдал экзамен на магистра, принял православие, поступил в Московскую духовную академию, принял монашеский постриг и стал архимандритом в Иркутске. Так вот этот Избицкий, окончив университет пошёл к помощнику куратора школьного округа с просьбой дать ему какую-нибудь должность в гимназии. Когда его не было, Ге в своей комнате на стене, покрашенной масляной краской, углём нарисовал с одной стороны Избицкого, смиренно держащего прошение, а на другой стороне куратора в гордой начальственной позе. В этом наскоро сделанном наброске, который долго сохранялся на стене, юный талант чрезвычайно метко показал не только внешние черты, но и характер души персонажей. Можно сказать, что Ге на этот раз показал себя фотографом не только души, но и тела".

В 1848 г. по настоянию друга Пармена Забелло Ге переводится на математический факультет Петербургского Университета. В Петербург он ехал с мечтой близко познакомиться с произведениями лучших художников, воочию увидеть творения Брюллова. Два года он совмещает занятия в Университете с посещениями Эрмитажа и долгими часами рисования. И искусство, по его словам, перетянуло его. В 1850 г. Ге поступает в Академию художеств (АХ).

Широко образованный и остроумный человек, внимательный товарищ и вдохновленный мечтатель, он быстро становится душой и центром художественной молодёжи. В 1857 г. Ге блестяще заканчивает Академию художеств с золотой медалью, дающей право награничную командировку. Эта поездка нужна была художнику не только для завершения образования. В России, по его словам "не хватало уже воздуха, свободы для творчества в это невыносимо глухое и тёмное время". Он уезжает не один – а с женой Анной Петровной Забелло, сестрой его друга, о которой он много слышал от него и познакомился по переписке. Посетив Мюнхен и Париж, они надолго остаются в Италии. Первые картины Ге – подражания работам обожаемого Брюллова. Но Ге мечтает "найти свою мысль в вечном, истинном". Изучение произведений Иванова и мастеров итальянского Возрождения помогло Ге определить свой путь в искусстве, найти большую тему, которая стала главной для всего его последующего творчества – это тема страдающего человека, драматического столкновения мировоззрений, тема самопожертвования и духовной красоты, которым противостоят эгоизм и грубая сила. Этой теме посвящена картина, принёсшая художнику настоящую

славу и известная как "Тайная вечеря". Вместо обычной трактовки евангельского сюжета Ге раскрывает человеческую драму: трагизм столкновения мировоззрений – героя, обрекающего себя на жертву ради общего блага, и его ученика, навсегда отказывающегося от заветов учителя. Интересно, что голову Петра Ге рисовал с себя, апостола Ивана со своей жены, а Христа – с Герцена. В течение целого десятилетия Герцен был идеалом Ге. В 1867 г. Ге пишет портрет Герцена, который является лучшим изображением Герцена. Художник передал в нём огромную духовную мощь и мягкость, сердечность натуры Герцена, присущее ему благородство. Интересно, что для того чтобы провезти этот портрет в Россию в 1869 г., Ге заклеил его картоном, на котором нарисовал пророка Моисея.

За картину "Тайная вечеря" Ге получил звание профессора, картину купил император.

В Петербурге Ге сближается с передовыми кругами русской интеллигенции, резко выступает против официального академического искусства. Он один из основателей "Товарищества передвижных художественных выставок". На 1 выставке в 1871 г. внимание всех было привлечено к картине Ге "Пётр I допрашивает царевича Алексея". Здесь историческая тема трактуется как трагедия, построенная на конфликте личных и государственных интересов. Эта лучшая историческая картина досуриковского периода получила всеобщее признание и была приобретена Третьяковым. Ге пробует свои силы в разных жанрах – портретном, историческом, религиозном, но, ни один из них не удовлетворяет его. Его новые картины, даже такая как "Пушкин в Михайловском", остаются незамеченными.

Творческая неудовлетворённость и материальные невзгоды заставляют художника покинуть столицу. С 1876 г. Ге поселяется на хуторе Плиски в Черниговской губернии. Он совсем оставляет живопись и пытается "опроститься", живя крестьянским трудом. Он ищет правду в нравственном очищении, самоусовершенствовании. В 1882 г. Ге знакомится с Толстым, начинается их глубокая, длительная дружба. Ге отдался Толстовскому учению со всей страстностью души. Он стал класть крестьянам печи за ковригу хлеба, а иногда просто задаром. Почти забросил своё немудрёное хозяйство и с посохом и котомкой ходил по дорогам Украины. Незнанным он появлялся в Одессе, Киеве, Чернигове, проповедуя идеи нравственности и устраивая импровизированные лекции по искусству для молодёжи. Одни видели в красивом старике с добрыми глазами апостола, другие называли юродивым. Он часто бывал в Ясной Поляне, и Толстой говорил: "Если вы хотите что-то у меня спросить, а меня нет – спросите Ге, он ответит то же, что я". Но, интересно, при всей их близости Толстого называли "стариком", а Ге – "дедушкой".

В 1884 г. Ге закончил давно задуманный портрет Льва Толстого, который открыл полосу крупных удач Ге – портретиста. Но Ге не ищет больше ни официального признания, ни громкого успеха. Он мечтает теперь силами искусства побеждать зло, пробуждая раскаяние, жалость.

В 1893 г. Ге пишет свой автопортрет, который считает мощным средством самовыражения. В его глазах горит огонь фанатической приверженности идее. В

этом автопортрете, который считается лучшим из автопортретов русских художников, отразились черты целого поколения мастеров кисти, поколения бессребреников, подвижников.

В последние годы жизни Ге создал цикл картин о страдании Христа, изображая их как чисто человеческие. Они полны страстного протеста против зла, унижения человека, протест против всякого лицемерия, ханжества. Он всегда помнил слова Толстого: "Мы переживаем не период проповеди Христа, а период распинания". И тема "Распятие" стала для Ге всеобъемлющим символом, который мог вместить самое темное и страшное в жизни. Всё сошлось там, словно в фокусе: политический террор, уносящий тысячи жизней, всероссийский голод начала 1890-тых, полное неприятие искусства художника критикой, смерть жены, с которой Ге прожил 35 лет, одиночество. Ге писал: "Я знаю, что время ужасное мы переживаем, знаю, что это начало бедствия, и мысль, и фантазия слабы, чтобы хоть сколько-нибудь угадать, до чего бедствия дойдут. Сердце болит. Тоска мучит и давит." И он решает сделать современников очевидцами ужасной казни Христа, пристыдить, заставить ужаснуться – и тем самым пробудить совесть. "Я сотрясу все их мозги страданиями Христа. Я заставлю их рыдать, а не умиляться. Возвратясь с выставки, они надолго забудут о своих глупых интересах."

Ге перестал ощущать границу дня и ночи. Он рисовал запоем, находясь в какой-то непрекращающейся лихорадке. Рядом были ученики, приглашённые им из Киевской рисовальной школы. Они самоотверженно помогали, позируя часами, висая на верёвках в позе распятых. А художник истязал себя творчеством, доходя до галлюцинаций. В марте 1894 г. Ге привёз законченное "Распятие" в Санкт-Петербург. Почти во всю ширину холста – 2 огромные монументальные фигуры: только что умерший Христос и раскаявшийся разбойник. Торжество зла и рядом бурное, с отчаянным криком пробуждение человеческого начала. В этом раскаявшемся разбойнике – обращённый ко всем призыв пройти через горнило духовного страдания и очищения. Состояние современника, волею судьбы оказавшегося на моральной Голгофе – вот глубинный смысл картины. Увидев картину, Александр III поморщился и потребовал, чтобы "эту бойню" убрали.

Умер Ге в 1894 г. От этого великолепного мастера остались 18 картин, 90 портретов, более 100 эскизов.

С 1893 по 1912 гг. во флигеле дома №2 жил Алексей Никитич Гиляров (1856-1938). Сын писателя-славянофила он с 1891 г. преподавал философию и психологию в Киевском университете, и на высших женских курсах, был профессором Коммерческого института. Парадоксальность взглядов (он считал, что всю мировую философию лишь переделкой взглядов Платона), преподавательское мастерство, бытовой демократизм делали его кумиром киевских студентов. Паустовский в "Повести о жизни" описывает его: "На дверях проф. Гилярова была прибита медная табличка и надписью "Здесь живёт никто". Гиляров читал студентам лекции по истории философии. Седой, небритый, в мешковатом люстриновом пиджаке, обсыпанный табачным пеплом, он торопливо поднимался на кафедру, сжимал края её жилистыми руками и начинал говорить – глухо, неразборчиво, будто нехотя. Как только Гиляров начинал говорить, мы,

студенты, уже ничего не замечали вокруг. Мы следили за неясным бормотанием профессора, замороженные чудом человеческой мысли. Гиляров раскрывал её перед нами неторопливо. Великие эпохи перекликались одна с другой. Нас не останавливало ощущение, что поток человеческой мысли нельзя разъять на части, что почти невозможно проследить, где кончается философия и начинается поэзия, а где поэзия переходит в обыкновенную жизнь. Иногда Гиляров вынимал из оттопыренного кармана томик стихов с оттиснутым на переплёте филином – символом мудрости и отрывисто прочитывал несколько строк, скрепляя ими свои речи философа.

Если бы нынче свой путь
Совершить наше солнце забыло,
Завтра целый бы мир озарила
Мысль безумца какого-нибудь

Изредка щетина на щёках Гилярова топорщилась и прищуренные глаза смеялись. Так было, когда Гиляров произнёс перед нами речь о познании самого себя. После этой речи у меня появилась вера в безграничную силу человеческого познания. Гиляров просто кричал на нас. Он приказывал нам не зарывать наши возможности в землю. Надо чертовски трудиться над собой, извлекать всё, что в тебе заложено. Так опытный дирижёр открывает в оркестре все звуки и заставляет самого упрямого оркестранта довести до полного выражения любой инструмент. "Человек – говорил Гиляров – должен осмыслить, обогатить и украсить жизнь". В этом старом профессоре, похожем на Эмиля Золя, было много презрения к благополучному обывателю и либеральной интеллигенции того времени. Это вязалось с медной дощечкой на его дверях о ничтожестве человека. Мы понимали, конечно, что дощечку эту Гиляров повесил назло своим благополучным соседям."

С 1922 г. Гиляров возглавлял отдел в Академии Наук Украины. Но ему, с его интеллигентной закваской, было здесь неуютно. Он считал, что философия должна быть вне политики, а с него требовали проповедь марксизма. Ведь в те годы философия начиналась и заканчивалась 4-й главой "Краткого курса". Гиляров так и не стал марксистом. Его не посадили, но наказали "карой забвения" - не печатали, не выпускали за рубеж. Он умер в 1938 г., но ни его книги, ни учебники не упоминались.

Трагически сложилась судьба его сына Сергея, родившегося в 1887 г., но о нём мы поговорим у Тарасовской 10, где он жил после 1912 г. Дом разобрали в 1950-тые и построили многоэтажный жилой дом.

Улица Тарасовская, часть 2

№4 Здание построил в 1895 г. архитектор Кривошеев под Лыбедской полицейский участок с пожарным отделением.

Для Киева пожары всегда были страшным бедствием. Во времена Киевской Руси пожары уничтожали дотла деревянный Киев. Это повторялось в 16, 17 и даже 19 веке. После страшного пожара 1811 г. в Киеве осталось всего 19 домов.

Раскалённые кирпичи долетали до КПЛ, а запах гари чувствовался и под Богуславом. Несчастные погорельцы ютились в шалашах. Настоящей революцией становится период, когда начинается продуманная борьба с пожарами.

Первая пожарная команда в Киеве была создана в 1841 г. В её составе 25 человек во главе с бранд-майором. До 1877 г. пожарные команды формировались из нижних чинов, не годных к строевой службе, часть из инвалидов, закоренелых нарушителей дисциплины. Городские власти возложили на них множество обязанностей: пожарники по совместительству несли часовую службу, возили на лошадях песок и воду, в доме губернатора и генерал-губернатора смотрели за лошадьми, ремонтировали телеги, пожарные трубы. Они зажигали и гасили городские фонари, отлавливали бродячих собак, убирали снег на улицах, следили за порядком в церквях во время богослужения. Получали они мизерную плату, одежду и еду покупали за свои деньги. Нелегкой была эта служба. В пожарной команде была жестокая дисциплина. Даже за незначительную провинность, халатное исполнение служебных обязанностей их наказывали розгами – до 400 ударов. Пожарные служили в казармах, выходных дней и отпусков у них не было. Служба была круглосуточной.

8 января 1841 г. был утверждён штат Старокиевской пожарной части. К 1870 г. в городе было уже 5 пожарных отделений – Старокиевское, Печерское, Дворцовое, Подольское и Лыбедское. Каждое отделение имело коней разной масти. Так кони Дворцовой части были гнедыми, Лыбедской – вороными, Подольской – серыми. Каждое отделение охраняло от огня определённую часть города. Для наблюдения построили каланчи. Ещё несколько веков назад, когда на Контрактовой площади стояло здание Магистрата, к нашему времени сохранилась каланча.

Первым в Киеве был построен Старокиевский пожарный участок, от которого до настоящего времени сохранилась пожарная каланча. Со временем в Киеве было построено 9 пожарных частей – 8 по числу пожарных участков (в 1850-1853 гг.), а 9 - по личному указанию императрицы Марии Федоровны, которая очень боялась пожаров, была построена на Печерске вблизи Мариинского дворца. И когда на её каланче поднимали чёрный шар – со всего города мчались брандмейтеры. Это была учебная тревога. Мария Федоровна выходила из дворца, улыбалась, благодарила за верную службу. Но часто случались и не учебные тревоги. Пожарные должны были быть ежеминутно готовыми к подвигу. Их считали героями, а их служба приравнивалась к военной – у них была своя форма, бравый вид, романтический флер. Каждый выезд пожарной тройки был целым событием, парадом. Шлемы начищены до блеска, позванивали шпоры. Тройка лошадей везёт бочку на колёсах. Один пожарный сидит на облучке, второй – на скамейке сзади, а остальные бегут рядом.

При пожарной части на Тарасовской была и пожарная каланча, построенная по типовому проекту Иконникова. Она была такой же, как и Старокиевская. Если сторожевой пожарный замечал дым, над каланчой поднимали разноцветные шары. По цвету и количеству шаров пожарные других частей определяли место и интенсивность пожара и спешили на помощь. В ночное время вместо шаров

зажигали разноцветные фонари. С появлением телефона необходимость в таких каланчах отпала. Как пишет Кипнис: "В самом начале Тарасовской до сих пор располагается пожарная часть (когда-то с каланчой), где находится милицейский участок". И до сих пор в 1 этаже дома №4 располагается 4-тая пожарная часть г.Киева.

№6. Дом был построен в конце 19 века в стиле киевский ренессанс. Фасад украшают пилястры коринфского ордера на уровне 3-4 этажа, лепные вставки.

До 1923 г. дом принадлежал профессору акушерства и гинекологии Альфреду Альфредовичу Муратову – организатору "школы повивальных бабок", профессору медицинского отделения Высших женских курсов. Он был одним из организаторов Медицинского женского института, преподавал в нём. В 1910 г. в доме Муратова располагалась канцелярия этого института.

А в 1903 г. в этом доме находилось правление Киевского округа путей сообщения, председателем которого был инженер-гидротехник Николай Семёнович Лежневский (1853-1905). С 1910 по 1915 г. в доме располагалась редакция ежемесячного иллюстрированного журнала "Вегетарианское обозрение". Это был единственный печатный орган вегетарианцев в России, который выходил гигантским по тем временам тиражом – 5 тыс. экземпляров. Тут же находился книжный магазин "Самопомощь".

С 1903 г. дом принадлежал вдове генерал-лейтенанта Елизавете Альфредовне фон Брадке.

Сейчас – Центр спортивной медицины.

№6а. Дом является памятником архитектуры. Он построен в 1910-тые годы, архитектор Таров (он строил с Зекцером дом Мороза). Это поздний модерн на грани с конструктивизмом. Дом Е-образной формы, симметричный, первые два этажа оформлены под руст. Парадный вход помещён в глубокую арочную нишу. Карниз волнообразный, полукруглый фронтон. На стенах орнаментальный лепной декор – гирлянды, венки, раковины, картуши. Типичный доходный дом начала 20 века. Дом 7-этажный, для того времени был небоскрёбом. В доме охотно селились медики. С 1926 г. в доме жил Исаак Михайлович Трахтенберг. Он родился в 1873 г. на Житомирщине, закончил Киевский медицинский институт и много лет разрабатывал проблемы токсикологии, медицины труда, экологии. Он автор более 400 научных работ. Он был самым близким другом директора Института геронтологии Владимира Вениаминовича Фролькиса. О нём и о многих других медиках Киева он очень тепло рассказывает в книге "Запоздалые заметки". Вспоминает он и годы детства, проведенные в этом доме. "Идя в школу, я часто встречал стройного и подтянутого человека, всегда в определённое время вышагивающего мне навстречу на, казалось бы, не сгибающихся ногах с чуть разведенными в стороны носками. Это был солист балета Киевского оперного театра Николай Дельсон. В конце 1930-тых гг. он вместе с Таировым поставил в Киевском оперном театре балет "Конёк-горбунок". Он родился в Киеве в 1907 г., был известным артистом, балетмейстером и педагогом-хореографом". Очевидно, Дельсон тоже жил на Тарасовской ул., но точного адреса его я не знаю.

№5. В середине 19 века усадьба принадлежала Фадееву, на ней стоял 1-этажный дом в 7 окон. В 1841 г. после открытия медицинского факультета Киевского университета и до 1847 г. здесь размещался анатомический театр. С 1870 г. усадьба принадлежала заслуженному профессору по кафедре акушерства и ректору Киевского университета Альфреду Павловичу Матвееву. Он был знатоком ландшафтной архитектуры, большим любителем рыбной ловли. Его именем назван Матвеевский залив. Там была его дача.

После смерти Матвеева в 1882 г. усадьбу с деревянным домом приобрёл председатель Общества Киевских врачей, профессор Карл Генрихович Тритшель (1842-1914). Члены Общества киевских врачей должны были заниматься благотворительностью, участвовать в акциях по борьбе с болезнями. Пожертвованные ими деньги шли на лекарства для неимущих больных и бесплатные койки в больницах.

Тритшель в 1894 г. организовал и возглавил общество по борьбе с туберкулёзом. Он строит на участке 6-этажный дом и 2-этажный флигель во дворе, в котором принимал больных чахоткой.

С 1904 г. Тритшель заведовал больницей на Б.Васильковской, с 1907 г. – военным госпиталем на Печерске. После его смерти в 1914 г. дом унаследовала жена Анна Сигизмундовна – владелица более 100 десятин земли в Киевской губернии и сын – врач Владимир Карлович Тритшель. Понятно, что после революции дом национализировали.

Именно в этом доме №5 жил журналист, писатель и переводчик Григорий Кипнис. Он так вспоминает годы своего детства, проведенные на этой улице: "Летом и осенью, конечно, футбол. Во дворе с утра до вечера. А ещё мы штурмовали заборы садов. Ни собаки, ни колючая проволока на заборах, постоянно терзавшая наши штаны, ни то, что нас нередко брали в "плен" в качестве заложников и отпускали из рук в руки только родителям, которые тут же применяли соответствующие санкции – ничто не могло удержать нас от набегов на яблоки и груши. Зимой Тарасовская превращалась в сплошную санную горку. Обгоняя друг друга, мы с визгом и улюлюканьем мчались, развивая дикую скорость – по крутизне наша Тарасовская занимала одно из первых мест в Киеве. Шиком считалось проскочить трамвайные рельсы улицы Саксаганской перед самым носом у вагона "пульмана". Смертельный номер! Слава Богу, обходилось без жертв. А мы получали ещё и урок фатализма".

Григорий Кипнис – человек мягкий и добрый, познавший все тяготы войны, поступивший после фронта в Мединститут, но затем получил литературное образование и стал блестящим публицистом. Более 40 лет он возглавлял в Украине корреспондентский пункт "Литературной газеты", который располагался на Ярославом Валу и вскоре превратился в своеобразный литературный клуб, частым посетителем которого был Виктор Некрасов.

Кипнис вспоминал, как в годы голодомора, в 1932-1933 гг. люди сутками стояли в очереди в расположенный в доме большой хлебный магазин. Они теряли сознание от жары, уходили в тень, написав на руке номер, иногда умирали. И тогда Кипнис со своим другом Явлинским, сыном прачки, ставший потом

профессором Киевского университета, придумали себе заработок – они носили в ведре воду вдоль очереди и продавали её.

А в 1941 г. на Тарасовской 5 располагался штаб комсомольского батальона. Сюда приходили те, кого не брали на фронт военкоматы. Здесь шла запись в ополчение. Так, в июне 1941 г. здесь записался замдиректора Института ботаники инвалидов Михаил Карпович Микало. Он погиб в сентябре 1941 г., защищая наш город. Рядом с ним сражалась его жена Мария Федоровна Бортко, которая после войны стала директором Института языкознания.

№7. 2-3-этажный дом конца 19 века в стиле классицизм, с 4-колонным порталом. Здесь располагалось садоводство Освальда Карловича Вессера, а затем садовое заведение Станислава Дьедьеха "Рудольф". В доме располагался гастрономический магазин купца 2 гильдии Митрофана Воробьева.

№8. (во дворе №8) Это бывшая усадьба Афанасия Семеновича Роговича (1812-1872) – ботаника, палеоботаника, геолога, профессора Киевского университета. Он был студентом первого набора Киевского университета, с медалью закончил естественное отделение в 1838 г. и после заграничной практики работал адъюнктом на кафедре ботаники. За исследование ископаемых рыб он стал магистром минералогии, а защитив докторскую диссертацию, возглавил кафедру ботаники. В 1852 г. он стал заведовать ботаническим садом и гербарием, поселился на Тарасовской ул.. 16 лет он был директором Ботанического сада, и за это время провел важные исследования по акклиматизации растений. Его гербарий состоял из 12260 листов. В 1868 г. Рогович вышел в отставку и занялся изучением залежей бурого угля в Киевской губернии для нужд сахарных заводов. Он основал общество исследователей природы.

После смерти Роговича дом и усадьбу наследовали его дети – сын Николай Афанасьевич, хирург Томского университета и дочери Лидия (жена проф. Талызина) и Софья (жена проф. Павлицкого).

В 1882 г. во флигеле жил Алексей Николаевич Бах (1857-1946) - биохимик, академик, основатель советской биохимической школы. Он учился в Киевском университете и в 1878 г. за участие в студенческих волнениях был на 3 года выслан в Белозерск. Вернувшись в Киев, он вступил в Киевскую организацию "Народная воля", которую вскоре и возглавил. С 1883 г. он был на нелегальном положении, а с 1885 г. эмигрировал в Женеву, где началась его научная карьера. После революции он вернулся на родину и основал школу биохимиков. Умер А.Н. Бах в 1946 г.

Сейчас в этом доме живет очень интересный человек, имя которого занесено в Книгу рекордов Гиннеса, как самого молодого героя Великой Отечественной войны. Это Сергей Васильевич Добринов – профессиональный строитель, ликвидатор последствий аварии на ЧАЭС, ныне пенсионер. 8-летним мальчиком он спас жизнь восьмерых солдат и знамя одного из полков 206-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта. А дело было так. Когда началась ВОВ, Сережа с матерью жил на ул. Горького и как все мальчишки того времени мечтал попасть на фронт. В конце лета 1941 г., когда он с другом Солтусом гулял во дворе, они увидели военные машины, крытые брезентом, которые двигались в сторону

Голосеевского леса. Неожиданно машины остановились возле их дома, и мальчишки, недолго думая, залезли в кузов одной из машин. Солтуса высадили на первом же КП., а забившегося в щель между ящиками Сергея не заметили, и он оказался на передовой. Его нашли при разгрузке машин, и командир сердито сказал: "Накормить, и чтобы через 10 минут и духа его здесь не было. Отправить назад первой же машиной!" Но вечерело и машины не было. Ночью на задание уходила поисковая группа – прервалась связь с одним из полков дивизии, и Сережа отправился с ней. В селе Гатне нашли школу, в которой располагался штаб полка. Здание было разрушено, и пробраться через завалы в подвал к уцелевшим бойцам мог только ребенок. Сережа полз в полной темноте по каменным лабиринтам и шепотом спрашивал: "Есть кто живой?" Вдруг рядом кто-то застонал. Его позвали. Один, другой, целый лазарет! Сергей рассказал, кто он и откуда взялся. Тогда его обернули знаменем части, и он снова пополз. Затем пролез в подвал с бинтами и водой для раненых, а затем поочередно вывел на свет Божий всех восьмерых красноармейцев. Когда возвращался в последний раз, фашисты бросили ручную гранату, и Сергею зацепило ногу. В лазарете "самый главный командир" спросил мальчика: "Что хочешь на память?" И он ответил: пистолет! А что еще мог хотеть мальчик того времени? Сереже вручили бельгийский браунинг с надписью: "Сереже Добринову – юному герою М.П.Кирпонос. Киев. 02.08.1941 г.". А затем отправили домой, снабдив оправдательным письмом к матери, подписанным комдивом Сергеем Горшковым. На листочке, вырванном из блокнота, торопливые строчки: "Уважаемая Тамара Александровна! Возвращаем Вам вашего сына живым и здоровым, кроме небольшой царапины на ноге. Извините за 2 дня волнений, которые он причинил Вам своим отсутствием. Мы и сами не знали, откуда он взялся на передовой именно в такой нужный момент. Другого выхода у нас не было, и если бы на его месте был мой сын, я послал бы его. Вы как мать можете гордиться таким сыном. Считайте, что Ваша семья увеличилась на 8 человек, спасенных и возвращенных к жизни. Ваш сын Сережа представлен командованием к высшей награде."

Подарок с фронта Сергей положил в коробку от чая и спрятал на чердаке киевского дома, семья срочно эвакуировалась в г. Копейск Челябинской области. После войны Сергей нашел свой пистолет и даже стрелял из него, играя со сверстниками в войну на Черепановой горе. Представление на награду где-то затерялось, а вот письмо и пистолет оберегают теперь в музее Великой Отечественной войны, и Сергей Добринов признан самым младшим участником боевых действий Великой Отечественной войны.

Интересно, что дедом Сергея был замечательный ученый-ортопед, основатель и первый директор Института ортопедии – Фрумин Илья Олегович (1875-1945). В семье хранится необычная реликвия - это письмо Сталину, которое написал Фрумин в 1938 г., находясь в заключении. Это такой яркий документ, в котором, как в капле воды, отразилось то время, что я позволю себе прочесть отрывки из этого письма.

"Товарищ Сталин!

Я решаюсь написать Вам после долгих колебаний. Очень хочется верить, что хоть какой-нибудь отзвук моего вопля будет Вами услышан – и я пишу. Я из числа тех, кто был вырван бурей 1937-1938 гг. из нормальных условий жизни. Я пережил кошмар, в реальность которого до сих пор не могу поверить до конца, хотя он фактически пережит мной. Но возможно ли поверить, что человек ни в чем не повинный, к тому же в возрасте 63 лет, профессор, имеющий общепризнанные заслуги в своей области (ортопедии), организатор одного из крупнейших в стране ортопедических институтов (в Киеве), стоявший 18 лет во главе его, человек, честность и прямоту которого никогда не смели отрицать и лютые враги, - что этот человек мог быть подвергнут в СССР в 1939 г. самым бесчеловечным, диким истязаниям, быть лишен слуха на правое ухо, мог дойти до умопомрачения и написать на самого себя невероятный поклеп, самого себя обвинить в контрреволюции и чуть ли не в соучастии в шпионских махинациях и быть приговоренным к расстрелу. И только тогда, когда этот гром разразился над моей головой, только ужас от пробудившегося сознания, в какое глубокое трагическое положение поставил я 3-х взрослых сыновей, мысль о том, что стряслось с моей женой – талантливым врачом-доцентом, и не оставившая меня никогда непоколебимая вера в конечное торжество правды – заставили меня в последний момент очнуться, собрать остаток душевных сил и запротестовать со всей доступной мне страстью перед Военной коллегией Верховного Совета, перед Президиумом Верховного Совета, перед Главным Прокурором Союза.

Мой голос – голос невинного человека – услышали, расстрел отменили и после 22 месяцев тюремного заключения, из них 50 дней пребывания в камере смертников, отправили меня на 5 лет в ссылку в Казахстан. За что? Во имя чего? За то, что я был, когда-то, эсером, заплатил за это в царские времена годами тюрьмы, ссылки, эмиграции? За то, что я открыто, честно, без колебаний и до конца изложил свои прежние ошибки, пересмотрел свои политические установки и публично заявил об этом в 1924 г. в Киевской "Пролетарской правде?" За то, что я все свои силы с 1924 г. положил на строительство советской ортопедии в Украине, организовал крупнейший институт, воспитал в нем целую школу ортопедов (до 50 человек), создал свыше 20 опорных пунктов на Правобережье Украины, был организатором единственного в нашей стране "Ортопедического журнала?" И во имя чего надломили мое существование, разбили вдребезги мою жизнь, лишили меня - еще в расцвете сил и на высоте развития – возможности служить большому делу борьбы с увечностью и инвалидностью? Во имя чего – и надо ли? – отстранить человека от большой активной работы по своей специальности в громадном деле по созданию социалистического общества? А я ведь доказал преданность этому делу не на словах, а на деле в течение последних 14 лет своей активной жизни, когда я каждый день, каждый час делил со всеми сознательными советскими людьми и радость и горе нашей сложной и большой жизни. И даже пережитая катастрофа – говорю это честно, твердо и искренно. Тов. Сталин, помогите мне смыть с меня позор изгоя и отщепенца, верните мне

право и возможность снова сознавать себя честным и преданным делу социализма строителем новой жизни.

10.06. 1938 г. г.Алма-Ата. И.Фрумин"

По-моему, потрясающий документ эпохи. Письмо, конечно, не дошло до адресата, а осталось в деле, с которым только теперь удалось ознакомиться потомкам Фрумина.

Жил в этом доме в 60-тые годы 20 века еще один человек – это знаменитый мостостроитель Баренбойм Исаак Юлисович (1910-1981). Он родился в 1910 г. в маленьком городке Вознесенске на Херсонщине. Отец, который держал заезжий двор, умер, когда Исааку было 7 лет. Мать, у которой было 3 детей, вынуждена была продавать коней, вещи, а затем настала нищета. Исаак поступил в строительную профшколу, работал слесарем, десятником, а после окончания рабфака – прорабом. В 23 года он заочно оканчивает Одесский институт гражданского и коммунального строительства и работает начальником службы городского транспорта в Сталино (Донецк). Вскоре молодого энергичного инженера переводят в Киев. Здесь он выигрывает в конкурсе на строительство гранитной набережной Днепра, и ему доверяют самому строить свое детище. После блестящего выполнения этого задания Баренбойм получает новое – сверхважное и сверхсекретное строительство №1. Готовясь к войне, правительство считает необходимым обеспечить безопасную и скрытую связь правого и левого берега Днепра. Решено было проложить 2 железнодорожных тоннеля под Днепром. Строительство одного началось южнее Киева на Жуковом острове (Бортнички – остров Водников – Чапаевка), северный прокладывался в районе Оболони. В строительстве участвовало до 40 тыс. рабочих. Баренбойм был назначен начальником 5-го титула – он прокладывал тоннель прямо под рекой. Как не спешили, но к началу войны так и не успели закончить секретные работы (прошли 800 м ложа тоннеля). И много лет люди удивлялись, что за вход в подземелье расположен на Жуковом острове.

Через месяц после начала войны Баренбойм был назначен командиром мостопоезда №402. Гражданский мостоотряд стал воинским соединением. В начале войны им приходилось взрывать мосты, по которым уже отступили наши войска и не должны были пройти немецкие войска. Так было в 1941-1942 гг., когда наша армия отступала. Вместе с отступающими войсками Баренбойм прошел путь от Днепра до Волги. Дойдя до Волги, военные строители под руководством Баренбойма построили ж.д. переправы под Сталинградом и в Астрахани. А когда началось наступление, его воинская часть первой подходила к водной преграде: надо было навести мост, чтобы по нему могли пройти вперед наступающие войска. Они строили и восстанавливали мосты на Северном Донце, Дону, Припяти, Днестре, Ворскле, Днепре – всего 39 мостов. За день до освобождения Киева – 5 ноября 1943 года Исааку Юлисовичу было присвоено звание Героя Социалистического труда.

Немцы, изгнанные из Киева, пытались вновь овладеть городом. Остановить их могли танки и артиллерия, но они находились на левом берегу. Для их переправы

через Днепр срочно нужен был ж.д. мост. Баренбойму дали явно нереальный срок – 20 дней. Но в армии не спорят. Работа велась круглосуточно, истребители и зенитки отгоняли авиацию противника. И свершилось чудо – мост длиной 1059 м был построен за 13 суток! Это был мировой рекорд!

После войны и до самой смерти в 1987 г. Баренбойм возглавлял лучшую в СССР мостостроительную организацию Мостотрест №1. Все мосты Киева были сооружены ими. За боевые и трудовые дела Баренбойм был награжден Золотой Звездой Героя Социалистического труда, 2 орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, Красного Знамени, Красной Звезды, 2 орденами Отечественной Войны, орденом Дружбы Народов, многими медалями. Он – лауреат Государственной Премии, Заслуженный строитель Украины.

Умер Баренбойм 27 августа 1987 г. (в 77 лет) на работе, неожиданно почувствовав себя плохо. Так неожиданно, что не успели вызвать скорую помощь – разрыв аорты. Похоронен он на Байковом кладбище, его именем названа улица на Теличке. В 1940-1950 гг. жил на Мало-Подвальной 10).

Жил в доме №8 и знаменитый спортсмен – сын владельца мебельного магазина Эмиль Фалер, прославившийся первым междугородным велосипедным пробегом в 1885 г. (Киев – Житомир).

Первое упоминание о велосипеде появилось в киевской прессе в 1869 г. в связи со слухами, что кто-то видел француза, едущего на велосипеде по Елизаветинской (ныне Пушкинской) улице. Автор статьи в газете "Друг народа", который никогда велосипеда сам не видел, так описывает его: "Велосипеды – род двухколесной повозочки. На них по шоссе без лошадей можно ехать где угодно посредством надавливания пружины ногой."

Первые велосипеды, изобретенные в 1861 г., имели довольно фантастический вид – с огромным передним колесом, на котором сидел велосипедист, и малым задним. Их называли "пауками" или "костотрясами" (шины появились только в 1888 г.) – их называли "велосипед-паук". У них не было тормозов и надо было непрерывно крутить педали. Но это не останавливало любителей быстрой езды, и к 1890 г. многие киевляне обзавелись велосипедами. В доме №8 находилась первая в Киеве школа велосипедной езды. Прогулки первых велосипедистов по улицам Киева вызывали большой переполох. Люди не понимали, как можно удержаться в седле двухколесной машины. В простонародье начали ходить слухи о чертях, разъезжающих среди белого дня на колесах, поэтому при виде велосипедистов народ крестился. Но вскоре в городе к ним привыкли, но вот в селах они сеяли страх и ужас. Были даже случаи нападения крестьян на велосипедистов. Так в октябре 1885 г. компания велосипедистов встретила у Рубежовки крестьянина, ехавшего на волах, разминуться им не удалось. Волы съехали в канаву, а крестьянин упал с повозки. Разгорелся скандал. К несчастью, мимо проезжал Фалер и попытался примирить участников столкновения. Потрясенный появлением еще одного "беса", крестьянин пришел в ярость и так ударил ни в чем не повинного Фалера, что пришлось оказывать ему помощь в Рубежовской колонии малолетних преступников, а крестьянина связали и отправили в Лукьяновский участок.

Через 2 года после этого случая Эмиль Фалер поставил рекорд дальности пробега, проехав из Киева в Петербург за 12 дней и был встречен по возвращению в Киев как герой. 5 июля 1887 г. он "Въехал в сад "Минеральных вод" при шумные аплодисменты публики, встретившей героя у ворот сада под звуках Торжественного марша военного оркестра. Въехав в сад, велосипедист ловко соскочил со своего оригинального экипажа и, окруженный со всех сторон публикой, забрасывающей его вопросами, направился в уборные театра для приведения в порядок своего туалета. Публика густой толпой окружила театр. Многие с вниманием рассматривали велосипед, удивляясь отваге и мастерству путешественника". На банкете в буфете в парке киевляне поднесли Фалеру лавровый венок.

А в 1894 г. он установил новый рекорд, проехав от Киева до Парижа. Пример этого спортсмена вдохновил многих киевлян. Открывшаяся в 1887 г. первая школа велосипедной езды насчитывала более 200 человек. Правда, на улицах города велосипедисты появлялись крайне редко, так как городские власти запретили это, чтобы не пугать лошадей. Для катания была отведена средняя аллея Дворцового парка, куда надо было добираться с велосипедом на извозчике. А дамам было разрешено кататься только за пределами города – на дачах или в пригородных лесах и полях. И только в 1892 г. началась беспрепятственная езда мужчин по улицам города. Приветствуя это решение, журнал "Всемирная иллюстрация" писал: "Опыт доказал, что легкий, поворотливый экипаж этот, управляемый почти исключительно интеллигентными людьми, никому не мешает, никого не стесняет. Число столкновений ничтожно." А в 1895 г. улицы города открыли и для велосипедисток. Правда, ездили они на дамских велосипедах, имея при себе письменное разрешение из канцелярии губернатора и в специальных штанах-шароварах. Именно велосипедисткам мы обязаны тем, что в моду женщин вошли брюки. С 1912 г. "велосипедная команда" появилась в полиции. Они развозили пакеты и проверяли почты.

Чтобы велосипедами не могли воспользоваться террористы, полиция запрещала езду на велосипедах на некоторых улицах во время пребывания в Киеве высочайших особ. Киевские равнины дополнили общие правила запретом ездить на велосипедах в субботу.

№10. Это доходный дом Василия Григорьевича Демченко и его сына – профессора Григория Васильевича Демченко. При доме был большой сад, который колоритно описывает Григорий Кипнис: "Огромный сад во дворе дома №10 называли коротко и многозначительно "босота". Само название манило нас пацанов загадочностью и жуткостью. Ходить туда нам категорически запрещалось родителями, но мы лазали туда. Хозяйничали в саду настоящие бандиты и хулиганы, а признанными заправилами у них считались братья Галайды. Братьев было, кажется, трое и каждый из них отдал несколько лет сооружению Беломоро-Балтийского канала и другим стройкам Гулага. Обитатели "босоты" хорошо относились к интеллигентному Гудзенко. Как я теперь понимаю, по простой причине: он легко и весело рифмовал нецензурный набор бытовавших тогда уличных словечек. Такой талант улица не могла не ценить.

....Жаркий летний день. На лавочках под сенью каштанов лузгающие семечки старухи. Тишина. В гору поднимается извозчик с двумя пассажирами, едущими, видимо, с вокзала. Вдруг, откуда не возьмись, появляется Адольф Галайда, старший из братьев. Вразвалочку приближается к экипажу, и что-то говорит кучеру. Тот спускается с козел, помогает Галайде выпрячь лошадь. Галайда вскакивает на нее и галопом вверх по Тарасовской. Затаив дыхание, мы через дырку в заборе наблюдаем эту картину. Проголопировав до пожарной каланчи и обратно, Галайда слезает с лошади, галантно кланяется, сняв кепочку, пассажирке и медленно уходит к себе в "босоту". Спектакль окончен".

Но это уже происходило при советской власти.

А в 1912 г. в доме №10 поселился сын профессора Киевского университета Алексея Никитовича Гилярова – Сергей Алексеевич Гиляров. Он родился в 1887 г. на этой же улице в доме №2., закончил 1 Киевскую гимназию, историко-филологический факультет Киевского университета, женился на дочери профессора Киевского университета Елизавете Сергеевне Ивановой, преподавал в частных гимназиях, а с 1915 г. был ассистентом кафедры истории искусств. Он очень много сделал для Киева, но его, как и отца, наказали "карой забвения". С 1919 г. Сергей Гиляров работал в Киевском музее западного и восточного искусства, пройдя путь от служителя, хранителя до зав. отдела, а с 1929 г. по 1945 г. был зам. директора этого музея, с которым оказалась связанной вся его жизнь. Вместе с Варварой Николаевной Ханенко он составил опись музейных экспонатов, стал главным экспертом по установлению авторства и даты создания картин. Так, в одном музее Петербурга находился портрет, как долго считалось, графа Головкина работы французской художницы Веже-Лебрэн, чья подпись была на портрете. Гиляров установил, что это, действительно, работа Веже-Лебрэн, но изображен на ней не Головкин, а последний польский король Станислав Понятовский, о чем свидетельствует костюм члена масонского ордена, возраст изображенного и то, что к моменту написания картины художница не могла видеть Головкина. Портрет был подарен родственниками Понятовского Кременецкому Университету, а затем в музей. Атрибутация этого портрета делает Гилярова знаменитым среди искусствоведов. Но это происходит в 1930-тые гг., когда нередко музейные вещи за бесценок продавали за границу. Решили продать и портрет Понятовского за 2 тыс. рублей. Все молчали, а Гиляров поднял шум. Закончилось тем, что портрет все-таки продали, но не за 2 тыс., а за 25 тыс., а на Гилярова завели уголовное дело, обвинив в шпионаже, якобы, он в 1931 г. встречался с представителями французского посольства. Полгода шло следствие. Доказать ничего не смогли, но с должности замдиректора сняли и за границу не выпускали.

Кроме работы в музее, Гиляров читал лекции в Художественном институте. Учившийся у него Асеев вспоминает, что на лекции Гилярова сбегался весь курс, поскольку это был праздник мысли.

Благодаря Гилярову, Киевский музей западного и восточного искусства стал очагом духовности. В 1932 г. в Киев приехала одна из родственниц Терещенко, которая в эмиграции вышла замуж за премьера Е.Эррио. Она захотела посетить

Киев. Гидом ей назначили Гилярова. Когда он пришел на первую встречу, она узнала его и бросилась на шею: "Сереженка". В это время было принято решение о сносе ряда киевских церквей. Угроза нависла над Софиевским собором. Гиляров рассказал об этом гостям. Покидая Киев, Е.Эррио сказал, что рад был посетить Софиевский собор, который возведен отцом французской королевы и поэтому является символом дружбы Франции и СССР. Может быть, это спасло Софиевский собор от сноса. А, может быть, это только легенда.

Когда началась Великая Отечественная война, основные фонды музея были вывезены в Уфу, но многие экспонаты остались в Киеве. Хранителями их стали Полина Кульженко и Сергей Гиляров, который не смог уехать из Киева из-за тяжелой болезни жены. При немцах он работал директором, а Кульженко – хранителем музея. Отступая, немцы предложили им уехать с ними, они отказались. После войны Гилярова обвинили в том, что он работал на немцев, опубликовал в газете "Новое украинское слово" 4 статьи о деятелях культуры Украины немецкого происхождения (Шехтель и др.), организовал выставку "Разрушение большевиками памятников культуры". Загребельный описал судьбу Гилярова в романе "Диво", где он прототип главного героя Гордея Оттавы. Гилярова арестовали в декабре 1945 г. В камере на Короленко 15 он выдержал 4 допроса, а затем с воспалением легких и температурой 39° был переведен в Лукьяновскую тюрьму. 4 января 1946 г. он передал из тюрьмы последнюю записку. В ней слова: "Я не был врагом советской власти, но они могли считать меня врагом". Он отказался от еды и лекарств, чтобы его сын не был скомпрометирован родственной связью с врагом народа, и умер, не дожив до приговора.

Этот подвиг отцовской любви оказался не напрасным. Его сын Меркурий Сергеевич Гиляров стал известным энтомологом и председателем Энтомологического общества Советского Союза (номенклатурная должность).

Квартиру в доме №10 забрал сотрудник НКВД, жену переселили в маленькую комнатку. Она только на один год пережила мужа - обогревалась печкой, затлела юбка и она умерла от угара.

Так как приговор Гилярову не был вынесен, его нельзя было реабилитировать. Настоящим стал "приговор забвения", имя Сергея Гилярова долгие годы не упоминалось. Только в 1996 г. перед Художественным институтом был установлен мемориал репрессированным художникам, где среди 41 имени есть и имя Сергея Гилярова.

№12. В 70-тые годы 19 в. усадьба принадлежала архитектору Киевского учебного округа Павлу Ивановичу Шлейферу (1814-1879). Он родился в Киеве, закончил вольнослушателем Петербургскую Академию Архитектуры, получил звание неклассного художника-архитектора. Он преподавал рисование в Институте благородных девиц и во второй гимназии, а с 1852 г. стал архитектором Киевского учебного округа. Он строил лютеранскую кирху по проекту Штрома, строил 2-ю гимназию, возводил дома (на ул. Коминтерна 14). В киевском Национальном музее Украины есть его работа "Портрет жены". Его сын

– известный киевский архитектор Георгий Шлейфер построил в Киеве много домов в стиле модерн.

В 70-тые гг. 19 века в доме №12 обосновалась народовольческая коммуна Владимира Карповича Дебагория-Мокриевича. Это было радикальное направление народовольчества, типа нечаевского. Поселившийся на Тарасовской кружок "Киевские бунтари" возник после провала нечаевцев и насчитывал 30 человек. Они собирались на квартире Брешко-Брешковской, где часть и жила. Читали нелегальную литературу, вели пропаганду среди рабочих и крестьян, организовывали мастерские-артели, стремясь жить жизнью простого народа. Нечаев был близок с Дебагорием-Мокриевичем. В конце 60-тых гг. в среде нечаевцев возникли споры – одни считали Нечаева революционером, другие – человеком с больной психикой, стремящимся к власти. Один из нечаевцев – Иванов усомнился в некоторых взглядах Нечаева. Тот обвинил его в предательстве, и члены кружка убили Иванова. По мотивам этого события были написаны "Бесы" Достоевского.

За участие в убийстве были арестованы многие кружковцы, самому же Нечаеву удалось бежать из России. Но его арестовали в Швейцарии и выдали России как уголовного, а не политического преступника. Его осудили на каторжные работы, но не отправили в Сибирь, а до 1882 г. содержали в Петропавловской крепости, где он и умер. По этому делу была арестована одна из будущих лидеров меньшевизма Вера Ивановна Засулич (1851-1919). Она родилась в 1851 г. в обедневшей дворянской семье, училась в частном немецком пансионе в Москве, где готовили гувернанток со знанием иностранных языков. Отличающаяся экзальтированностью, Вера вошла в студенческую среду, где запоем читали Чернышевского, Добролюбова и Писарева, мечтали о переустройстве общества, и Вера мечтает воплотить в жизнь идеалы любимых писателей. Она создает в Петербурге небольшую мастерскую со справедливым устройством, которая скоро обанкротилась. Она знакомится с кружком нечаевцев и ее увлекает поэзия борьбы. После провала нечаевцев в 1869 г. 18-летняя Засулич была арестована, ей присудили 2 года тюрьмы и 2 года ссылки. В 1875 г. ей разрешают переехать в Харьков под надзор полиции. Она переходит на нелегальное положение, становится помощницей Бакунина, по его заданию едет в Киев и поселяется на Тарасовской 12 у своей подруги Лидии Барышевой, входит в кружок "киевских бунтарей". До 1877 г. она живет в Киеве, а затем вместе с Дебагорием-Мокриевичем "идет в народ". Под видом крестьянской семьи поселяются они в селе Юровка под Чигирином. Но местные крестьяне принимают их "в штыки". Вера Засулич уезжает в Петербург, где прославилась, устроив покушение на градоначальника Петербурга Федора Трепова. А Дебагорий-Мокриевич был арестован в 1879 г. Его характеризовали как "одного из самых крупных и опасных агитаторов в преступной пропаганде и главного деятеля революционного киевского кружка", и приговорили к 15 годам каторги. Но по дороге в Сибирь он обменялся документами с уголовным преступником Павловым, и по его документам попал в Иркутскую губернию, откуда вскоре бежал. Он эмигрировал в Швейцарию, работал в революционной прессе, но со временем принял

болгарское гражданство и отошел от революционной деятельности. Умер в 1926 г.

Киевская громада. Тарасовская улица была прямо-таки Меккой киевской интеллигенции. Здесь в доме № 12 собиралась полуофициальная организация киевской интеллигенции "Громада", сформировавшаяся из кружка студентов-украинофилов в начале 1860-тых гг. Среди ее первых лидеров такие блестящие деятели украинской культуры как Драгоманов, Антонович, Житецкий, Лысенко, Чубинский, Русов, Фаддей Рыльский.

Громада просуществовала 60 лет, и за годы своей деятельности сыграла огромную роль в возрождении украинской нации. Долгое время "Громада" была в Украине единственным организованным кружком убежденных украинцев и центром всего украинского национального движения. Громада всегда сохраняла первоначальный характер небольшого дружеского кружка, но в силу его огромного научного и творческого потенциала играла видную роль во многих общественных начинаниях. Её члены принимали участие в работе юго-западного отделения Русского географического общества и издали несколько томов этнографических материалов, в том числе "Малорусские народные предания и рассказы" Драгоманова. Много лет при Громаде работала специальная комиссия по подготовке большого словаря украинского языка (словарь Гринченко). Громада издала самый полный на то время "Кобзарь" Шевченко, учредила ежегодные поездки киевлян на Тарасову могилу, проведение Шевченковских торжеств. Среди киевской интеллигенции славились вечеринки молодых членов Громады в "украинском вкусе", устраиваемые ими в 1870-тые гг. совместно с учителями 2 гимназии, где служили тогда многие члены Громады. Лазаревский вспоминает: "И вот среди учителей 2 гимназии возникает мысль устроить "блины" по предварительной подписке. Собирается множество народа. Павел Житецкий и Николай Лысенко во фраках с большими блестящими грудью накрахмаленных сорочек. Верочка Житецкая в белой, а Оля Лысенко в синей вуалях, обе затянуты в корсеты, обе в кринолинах, модных прическах с завитками на ушах. Общество размещается за длинными столами, уставленными мисками с разными кушаньями. Лязг вилок и ножей, звон бокалов, живой разговор, взрывы смеха и острое едкое слово раскрасневшегося от выпивки Житецкого. А потом отодвигают столы и начинаются танцы: кадрили, польки, вальсы. И королевой вечера чувствует себя красавица Оля, и ревниво поглядывает Лысенко как она переходит из одних рук в другие. А потом он садится за рояль, и льются задорные звуки казачка. И зрители окружают Верочку Житецкую, которая, стыдливо опустив глаза, будто нехотя начинает выделять свои дроботушки, а вокруг неё уже идет в присядку Иван Рудченко. И нет конца рукоплесканиям раскрасневшейся паре."

Позже, в 1880-1890-тые гг. вечеринки часто устраивались без выпивки и закуски. Собирались в основном ради "пищи духовной". Это были настоящие праздники ума и сердца, где каждый участник мог сполна проявить свои дарования. Обычно вечеринки начинались теперь с выступления хора Лысенко. Огромный хор состоял из студентов Университета, курсисток, любителей

украинской песни. От их грозного рёва "Реве та стогне Дніпр широкий " озноб восторга пробежал по плечам слушателей. Потом читали стихи, гремел рояль, нежный тенор выводил:

Выпьем мы за того,
Кто "Что делать" писал,
За страданья его,
За святой идеал.

И все присутствующие подхватывали припев:

Налей полней бокалы, полней!
Пусть студентов семья
Соберется дружей!

В истории Старой громады выделяются 3 этапа:

- 1) культурно-политический (1860-1876),
- 2) политически-украинофильский (1876-конец 1880-тых),
- 3) культурно-научный (конец 1880-тых –1897).

Члены Громады искали научные аргументы существования украинской нации от далекого прошлого и до настоящего времени, выдвигали требования культурной автономии, пытались создать независимое национальное образование. Они открывали воскресные школы, читали лекции, преподавали в коллегии Галагана.

Печатными органами Старой громады были газеты "Киевский телеграф", "Заря", журнал "Киевская старина", который издавался с 1862 г. по 1906 г. на средства Старой громады. Этот журнал сыграл огромную роль в формировании украинской культуры во второй половине 19 века. Первым редактором журнала был Лебединцев, позднее - Науменко. Сумма взносов членов Громады не определялась, каждый платил, сколько мог. Были и конспиративные члены. Самые большие взносы поступали от конспиративного члена. Он подписывался "Хорос". И лишь немногие знали, что под эти именем скрывался Лев Симиренко.

Был у Громады свой книжный магазин "Українська книгарня" на Безаковской, считавшийся одним из лучших в Киеве.

Со временем Киевская Громада одряхла. К концу 19 века злые языки вслед за Борисом Гринченко стали называть корифеев Громады хранителями гроба Шевченковского. И на смену Старой громады пришла Молодая громада. Но она уже не имела отношения к Тарасовской улице.

Улица Тарасовская, часть 3

№14. Г-образный дом с проездом во двор был построен в 1887 г. (арх. Казанский) как доходный дом Екатерины Николаевны Свидерской. Его фасад украшают красивые головки, драконы. Дом является памятником истории. Установленная в 1971 г. черная гранитная мемориальная доска работы архитектора В.Шевченко говорит о том, что в этом доме у своего брата студента Киевского университета Михаила Косача останавливалась в марте-апреле 1889 г. 18-летняя Леся Украинка (1871-1913).

Вокруг брата и сестры организовался литературный кружок "Плеяда". Здесь Леся Украинка вместе со Сливинским переводила Гюго, Мюссе. Она поддерживала связи с давними друзьями – семьями Старицкого и Лысенко.

Младший сын владелицы дома Александр учился в первом классе 1-вой Киевской гимназии вместе с Луначарским. Часто собиравшихся в доме гимназистов Леся называла "голота". Леся всегда тепло вспоминала своё пребывание в этом доме, хотя в 1890 г. она приезжала сюда в ожидании операции на левой руке. Дело в том, что ещё в детстве, живя на Стрелецкой улице, Леся простудилась на катке и у неё начался туберкулёз кости, из-за чего пришлось проститься с мечтой о карьере пианистки. После операции в 1890 г. левая рука Леси усохла – вы, наверно, обращали внимание, что на всех поздних фотографиях Леси левая рука не видна. Об этом приезде мать Леси Олена Пчилка пишет Драгомановой: "Пока что Леся осталась в Киеве, пусть хоть развлечется, так как, возможно, придется ей лежать долго, если ей сделают операцию".

И все-таки о пребывании здесь Леся сохранила самые теплые воспоминания. Через несколько лет она пишет брату из Киева: "Шкода, коли ти не приїдеш на Різдво до мене! Ми б разом послушали солов'їну арфу перед Університетом, подивились би на страшні тополі, і я б знову подумала, що мені 18 літ, що ми живемо на Тарасівській, де у мене на столику проліски стоять, а в хоті рожеве світло, а в серці провісна."

Всё это чудесно, но, как нередко случается в Киеве, мемориальная доска висит не на том доме, где жили Косачи. Они жили не в 4-том доме на Тарасовской 14, а во 2-ом домике №18, которого сейчас нет. Его снесли перед Великой Отечественной войной и на его месте Осьмак построил дом для работников Трансбуда. Довоенный дом принадлежал семье Сикорских – Василине Федосеевне и её 4-м сыновьям – Василию, Григорию, Андрею и Александру. А познакомились Косачи и Сикорские в Новоград-Волынском. Отец Леси – Петр Антонович Косач был председателем съезда мировых посредников, а секретарем был зять Сикорских – Вышинский. Их связывала не только общая работа, но и дружба. Мать Леси была крестной матерью внучки Сикорских – Натальи. Та часто гостила в доме Косачей, т.к. в 7 лет осталась без матери. Леся учила ее музыке и вышиванию, читала ей книги. Именно поэтому Леси было так хорошо в доме на Тарасовской. А Наталья стала пианисткой Вышинской, дожила в этом доме до 1946 г.

№7. 2-3-этажный дом конца 19 века в стиле классицизма с 4-колонным портиком. Здесь располагалось садоводство Освальда Карловича Вессера, а затем садовое заведение Станислава Дедьеха "Рудольф".

В послевоенные годы здесь была закрытая разведшкола. Сейчас тоже какое-то военное учреждение.

№9. Усадьба с 2-этажным домом в стиле Киевский ренессанс до 1913 г. принадлежала семье Жуковцевых, а в 1913 г. ее приобрел сын купца 1-ой гильдии Фридриха Михельсона – инженер Макс Фридрихович Михельсон. Он строит на усадьбе 4 доходных дома. №9а в стиле модерн, выходящие на Владимирскую улицу и образующие внутренние дворы – колодцы. Он строит эти дома по своему

проекту в виде замкнутого в каре прямоугольника с окнами, повернутыми в сторону двора-колодца.

В 1910 г. в доме №9 располагалась лечебница Гутштейна на 29 кроватей. В этом доме на короткое время останавливался Сталин, будучи проездом в Киеве.

№11. Школа №92 имени Ивана Франка заняла место дома и сада, где в 1888 г. жил и вел прием "по внутренним болезням" дядя (по матери) писателя Лескова профессор Сергей Петрович Алферьев.

№13. Усадьба №13, где сейчас располагается детский санаторий, принадлежала Елизавете Федоровне Островидовой, а угловой дом №15\48 – жене генерал-майора Иенкен Марии Тимофеевне. В 1900 г. в доме располагалась редакция ж. "Киевская старина", редактором которой был Владимир Павлович Науменко. Был в доме аптекарский магазин и склад Горштейна (во дворе № 15).

В этом доме жил Федор Фердинандович Андерс (1863-1926) – настоящий фанат воздухоплавания. Он родился в Киеве в 1863 г. в семье токаря завода "Арсенал", закончил реальное и землемерное училища, а высшее образование получил уже в 50-летнем возрасте, заочно закончив Киевский политехнический институт уже при советской власти. Он изучил все летательные аппараты киевских конструкторов и в 1910 г. издал брошюру "Как самому построить аэроплан". Но главным его увлечением стали дирижабли. В 1909-1911 гг. он собственноручно построил первый дирижабль, который назвал "Киев" и в августе 1911 г. совершил на нем первый, хотя и не совсем удачный полет. Это был первый полет дирижабля, созданного в Украине. А к сентябрю 1912 г. на счету Андерса и его сына Владимира было уже 150 полетов. Но тут случилась беда – аэростат загорелся и взорвался. К счастью, это случилось во время стоянки и люди не пострадали. Построить "Киев –2" изобретатель так и не успел: сначала он перенимал опыт на заводах Цеппелина, а потом, вернувшись в Киев, начал работать над каркасными дирижаблями. В 1921-1924 гг., работая в Москве, Андерс сконструировал 100-местный рейсовый дирижабль. Во время НЭПа он основал в Киеве акционерное общество для строительства своих аэростатов, но внезапно умер 31 мая 1926 г. (58 лет). Похоронен на Байковом кладбище.

А в доме №14 жил мой преподаватель профессор Михаил Николаевич Клеошников. Он был зав. кафедрой исторической геологии, был прекрасным специалистом, чудесно читал лекции, но у него был очень высокий, почти женский голос. За 10 лет, прошедшие после окончания Университета, я об этом, конечно, забыла и, когда обзванивала членов Ученого Совета, приглашая его на защиту кандидатской диссертации, попала в страшно неудобное положение, сказав взявшему трубку Михаила Николаевича: "Пригласите, пожалуйста, к телефону Вашего мужа".

№16. 5-этажный доходный дом Гроздовой был построен в начале 20 века (в 1909 г.) в стиле модерн. У дома срезанный угол, над первым этажом вставка с растительным орнаментом.

Дом является памятником истории, так как в нем в 1918-1919 гг. жил Владимир Иванович Вернадский (1863-1945) (основоположник отечественной геохимии, биогеологии и радиологии, академик, первый президент ВУАН), величайший

философ, ученый и мыслитель, которого объявили человеком века (во дворе № 18).

В Киев Вернадский приехал только в 1917 г. К тому времени он был уже сложившимся всемирно известным ученым, ему было 54 г. Его всегда тянула родная земля – в семье были сильны украинские национальные традиции. Его предки были запорожские казаки – прадед был священником в Чернигове. Дед пешком пришел в Москву, закончил медико-хирургическую академию, участвовал в походах Суворова и Кутузова, получил даже награду за переход через Альпы. Затем приехал в Киев, работал в госпитале. Отец Иван Васильевич закончил Киевский и Берлинский университеты, в 28 лет был уже профессором Киевского, а затем Петербургского университетов. После смерти сына, а затем и первой жены от туберкулеза он женился на кузине Анне Петровне Константинович, родом из Переяславля. В этом браке родился сын Владимир и дочери близняшки Катя и Оля. В кружке "Литература для народа" Владимир Иванович познакомился со своей будущей женой Натальей Григорьевной из рода Старицких. Он сделал ей предложение, но она отказалась, сказав: "Я старше Вас на 2 года и я некрасивая". Он возразил: "Что Вы такое говорите? Я Вас люблю". Каждое лето Вернадский уезжал в экспедицию, много работал в зарубежных лабораториях и отовсюду посылал ей письма. И, наконец, Наталья Григорьевна дала согласие на брак. Она стала ему верным другом. Они никогда не расставались и он считал себя многим ей обязанным. В 1910 г. они строят в Шишаках на Полтавщине на берегу реки Псёл дачу - дом был построен по проекту Василия Кричевского, к сожалению, ни от него, ни от дачи ничего не осталось.

Вернадский занимал высокое положение – он был профессором Московского университета, членом Государственного Совета России, лидером Партии кадетов. И когда началась революция, тронуть его было невозможно, так как весь мир знал о его открытии – в 1910 г. – за год до Резерфорда Вернадский сделал доклад о радиоактивности – "новом союзнике и защитнике". В 1922 г. Вернадский организовал Радиевый институт, а в 1932 г. на Всесоюзной конференции по радиоактивности продемонстрировал 1 грамм радия.

Когда началась революция, Вернадский с женой от всех беспорядков бежит в Полтаву, где живет его троюродный брат Короленко. Несмотря на разруху, он каждый день записывает в дневнике: "Работаю над живым веществом".

Еще до Октябрьской революции в дневнике появляется запись: "Ведутся разговоры об организации АН в Украине". При гетмане Скоропадском создается комиссия по организации АН Украины, приглашают Вернадского, он приезжает с женой в Киев и поселяется в этом доме на Тарасовской в кв. №7. В 1918 г. при гетмане АН Украины была создана и Вернадского избирают первым её президентом. Условия были трудные. Вернадский пишет в дневнике: "В доме 2°. Спасаясь в академии".

Раковский отдает АН Украины здание пансионата Левашовой и Вернадский собирает здесь ученых мирового класса – механика Тимошенко, историка Петрова, арабиста Крымского, экономиста Туган-Барановского. Его квартира на

Тарасовской становится штабом АН Украины. Он разрабатывает новую систему образования, которая действует до наших дней, организует библиотеку АН, которая входит сейчас в десятку самых крупных библиотек мира, насчитывая более 8 млн. книг.

В 1919 г. власть в Киеве меняется, и Вернадский едет на юг, чтобы встретиться с Деникиным. Он записывает в дневнике: "У всех впечатление, что большевики не надолго", но после разговора с Деникиным, который заявил "Я не допущу украиномании", Вернадский понимает, что АН Украины под угрозой.

В Киеве власти меняются, и семья Вернадского бежит в Крым, а он из Ростова приезжает туда же, с трудом разыскивает семью, но в Ялте он тяжело заболел тифом. Дети уезжают в эмиграцию в Прагу. Сын стал историком в США, дочь стала врачом-психиатром. Жена с трудом выходила Владимира Ивановича. И осталась с ним. Она помогала ему во всем, делала переводы, переписывала его работы. В конце жизни он записал: "Прожили душа в душу и мысль в мысль более 50 лет".

Вернадского приглашают на работу в Симферопольский университет и он пишет в Киев, что не вернется, поскольку в Киеве нет условий для работы. Он становится ректором Симферопольского университета, а потом навсегда уезжает в Россию.

Почему же в ноябре 1919 г. Вернадский уехал из Киева и не вернулся в него? Очевидно, что для этого было много причин. Журналист Коптюх пишет: "Кабинет Вернадского в академии находился напротив Дома учителя, рядом с которым поставлен памятник Грушевскому. Такое впечатление, что эти два гения до сегодняшнего дня противостоят друг другу". Действительно, при личных доброжелательных отношениях они стояли на противоположных позициях. В то время, как Вернадский отдавал все силы на создание АН Украины, Грушевский считал, что это несвоевременно, ненужно, чуть ли не антиукраински – нельзя создавать АН при узурпаторе гетмане, который привел в Украину немцев. Надо искать науку в дальних землях, а пока развивать украинскую идею. Вернадский же считал науку государственно важным делом и готов был сотрудничать с любым правительством, привлекать к работе ученых любой национальности. Поэтому противостояние с Грушевским становится все более и более тяжким.

Потом в Киев снова ворвались большевики, и дела стали совсем плохи. Вернадский в Ботсаду встречается с молодым ученым-славистом и делится с ним своими планами, а тот пишет донос на Вернадского. В газете "Украина" его обвиняют в отсутствии патриотизма, припоминают партию кадетов, участие в Государственном Совете России. Это уже политический донос. Возглавляющий ЧК в Украине Лацис проводит политику красного террора, арестовывает и расстреливает 68 интеллигентов. Вернадский с дочерью и сотрудниками прячется на биостанции под Каневом – в Староселье и получает письмо из Киева об опасности возвращения, отправляет семью в Крым, а сам едет к Деникину.

Умер Вернадский в Москве в 1945 г. В последние годы жизни он работал над проблемами ноосферы – взаимодействия биосферы с человеческим умом.

Жительница дома №16 Татьяна Олеговна Петрова рассказала, что со дня постройки дома в 1909 г. в доме жил ее дед – Николай Иванович Волкобой, который работал патологоанатомом в Мариинско-Благовещенской общине.

№19. Дом построен в 1899 г. архитектором Казанским как доходный дом инженера Рафаила Антоновича Рженецкого и является памятником архитектуры и истории. Главный фасад симметрический в стиле ренессанс, на 3-4 этажах пилястры коринфского ордера, увенчанные фигурными фронтонами и башней. Фасад завершает карниз с металлическим парапетом. Декоративная лепка в виде гирлянд и дракончиков в подоконных вставках (не только Яскевич любил дракончиков). С 1913 г. дом принадлежал купцу Срулю Лейзеровичу Эльгарту.

В 1936-1941 гг. в этом доме жил Александр Сидорович Пироговский (1897-1943). До войны он работал учетчиком, а с июня 1941 г. директором лесозавода. Его оставили в оккупированном Киеве для подпольной работы, и он возглавил Зализный подпольный райком партии, а с июня 1942 г. – подпольный горком партии. Они спасали людей от отправки в Германию, готовили фальшивые документы, держали связь с Ковпаком, передавали ему документы. Немцы арестовали Пироговского 31 октября 1943 г. и 5 ноября за два дня до освобождения Киева казнили его в гестапо. В 1945 г. ему посмертно было присуждено звание Героя Советского Союза, а с 1976 г. на фасаде дома № 19 установлена бронзовая мемориальная доска с барельефным портретом Пироговского работы скульптора Сабанеева.

№ 20/50. В 1983 г. для сооружения большого шумозащищенного жилого дома №20-50 был снесен ряд небольших домов №№20-26 (во дворе №20), Дом №20. – 3-этажный кирпичный дом (Галайба, с. 325) был построен в 1890 г. арх. Краусом для английского предпринимателя Доугласа. В доме том жила известная оперная певица и педагог по классу вокала Сантогана-Горчакова.

№ 20. 2-этажный деревянный дом был построен в 1885 г. по заказу чиновника Кашнева (Галайба, с. 324). До 1906 г. принадлежал Анне Николаевне Чубинской, и в нем в 1903 г. в кв. №1 в начале своей 75-летней преподавательской карьеры жил выдающийся математик, профессор Букреев Борис Якович (1859-1962).

Букреев был старейшим профессором Киевского университета. Он родился во Львове в 1859 г., учился в Курской гимназии, а в 1883 г. окончил физико-математический факультет Киевского университета. Затем его на 2 года командировают в Берлин и Лейпциг, где он слушает лекции выдающихся математиков. Он стал математиком-универсалом – читал лекции, составлял пособия по различным математическим дисциплинам. Он уделял большое внимание наглядности преподавания, в 1907 г. создал при Киевском университете математический кабинет. Он был одним из основателей и первым преподавателем на Высших женских курсах и Киевском политехническом институте. В советское время он стал живой легендой Киевского университета, в котором работал 75 лет и ушел на пенсию, лишь достигнув 100-летнего возраста в 1959 г.. Умер в 1962 г.

С 1906 г. дом принадлежал семье военного врача Никиты Ивановича Манковского. Его сын – Борис Никитович (1883-1962) в 1909 г. закончил медицинский факультет Киевского университета, с 1922 по 1961 г. заведовал

кафедрой нервных болезней Киевского медицинского института, а в 1958 г. основал Институт геронтологии.

После революции в этом доме жил друг Вернадского – правовед, историк, один из основателей УАН Николай Прохорович Василенко, у которого останавливался, приехав в Киев в 1917 г., Вернадский. В годы красного террора его арестовали в 1921 г. сразу после отъезда из Киева Вернадского. Но так как в связи с отъездом Вернадского освободилось место Президента АН Украины, его чудом выпустили, и прямо из тюрьмы он попадает в Президенты АН Украины. Он создал музей революции в Мариинском дворце. После 1924 г. его сняли с должности Президента, и он работает в Киевском университете даже не профессором, а приват-доцентом. До конца дней оставался под подозрением. Умер Василенко в 1935 г., похоронен на Лукьяновском кладбище.

Тут же во дворе № 20 находилась усадьба Краснокутского. С 1830 по 1881 г. обширная усадьба располагалась по обе стороны нынешней ул. Саксаганского между Тарасовской и Паньковской улицами. Она разделяла улицы Большую и Малую Жандармские, которые только в 1888 г. слились в единую Жандармскую улицу (потом Мариинско-Благовещенскую - Л. Пятакова – Саксаганского). Первым владельцем усадьбы был учитель рисования 2-ой гимназии Иван Якович Краснокутский, который купил этот обширный, но изрезанный оврагами участок земли за бесценок (за 25 десятин земли он заплатил всего 250 рублей). На своём огромном участке он развел большой фруктовый сад с питомником саженцев. Всецело поглощенный делами своего обширного хозяйства, он слыл среди сослуживцев чудачком и оригиналом. Его пренебрежение к одежде давало повод к многочисленным анекдотам о домовладельце-скупце. Но смеялись они напрасно. Чудак-учитель отлично знал садоводство и получал хороший доход от торговли фруктами и саженцами. А когда цены на землю выросли, он стал распродавать небольшие участки своей усадьбы под частную застройку. Владельцы возникших на его земле хуторков долго боролись с городским управлением за свое существование, не давая проложить единую Жандармскую улицу. А сам Краснокутский безвозмездно уступил часть своего сада для прокладки улицы. Старый учитель-коммерсант прекрасно понимал, что прокладка большой улицы через его усадьбу не грозит ему разорением, поскольку цены на оставшуюся у него землю резко подскочат. И он не просчитался. Усадьбы, образовавшиеся по обеим сторонам новой улицы, он продал за 25 тыс. рублей (купил-то всего за 250 руб.). Он распределил полученные деньги между детьми и умер в 90 лет.

№17/61. Дом начала 20 века, модерн, арх. Гринберг, доходный дом Станиславы Эдуардовны Бродской. В 1909 г. здесь общество взаимопомощи повивальных бабок и фельдшериц (председатель Анна Васильевна Черномор-Задерновская).

В конце 19 века на усадьбе был 2-этажный деревянный фасадный дом и 4-этажный кирпичный флигель. В 1910-тых владелец купец Вольфман строит новый дом по проекту Гринберга, который соединяет с флигелем. Г-образный, поздний модерн. Срезанный угол подчеркнут порталом входа в магазин и балконами, современный аттик. Окна разные – прямоугольные, арочные, спаренные. Кирпичный и лепной декор – руст, сдвоенные кресты под окнами 5-го

этажа лепные розетки, горизонтальный орнамент – полосы лаконичные, изысканность оформления. Флигель (во дворе) – неоренессанский кирпичный декор.

В 1920-тых в кв. 9 жил литературовед, критик, педагог, общественный деятель Александр Константинович Дорошевич (1889-1946). Основал журнал "Вільне українське слово". В 1926-1930 руководил филиалом НИИ Шевченко. Из-за репрессий уехал на Урал, в 1943 - вернулся, в Институте литературы изучал творчество Кулиша, Марко Вовчок, Франко, Шевченко.

№ 28/63. Постройки 1953 г., памятник архитектуры, советская неоклассика. Мощный карниз, пилястры двух верхних этажей, угол и цоколь рустованы. В декоре использованы мотивы украинского народного орнамента, сделанные из керамики и бетона.

Интересный образец жилой архитектуры начала 1950-тых гг. На первом этаже сбербанк и Дирекция художественных выставок Украины.

№ 30. Это здание начала 20 века (1912 г.) в стиле модерн. Обратите внимание на окно второго этажа слева от входа (рядом дом № 32).

Одной из любимых книг моего детства была книга Елены Ильиной "Четвертая высота" о Гуле Королевой. Все вы помните, что перед войной Гуля родила сына Сашу (Ежика), ушла на фронт и погибла, подняв бойцов в атаку. Но в книге ни слова о том, кто был отцом Ежика, мужем легендарной Гули. И недавно мне совсем случайно удалось это узнать. Муж Гули Алексей Александрович (1918 – 1972) жил в этом доме со своей матерью Софьей Михайловной Пятаковой после возвращения из заключения во второй половине 1950-тых гг. Софья Михайловна была правнучкой Артемия Терещенко. Она внучка его дочери Марианны, которая вышла замуж за Михаила Петровича Шестакова – управляющего заводами Терещенко (см.рис. в книге "Семья Терещенко", стр. 32). Софья Михайловна вышла замуж за Александра Пятакова. Мы знаем о двух братья Пятаковых. Один из них - Леонид в 1917 г. был председателем Киевского ревкома. 25 декабря 1917 г. банда "вольных казаков" арестовала его и зверски убила. Его изуродованное тело было найдено недалеко от станции Пост-Волынский. С 1917 по 1937 г. ул. Саксаганского носила название Леонида Пятакова. А его брат в это время возглавлял партийную организацию, позже стал наркомом. В 1937 г. он и остальные братья Пятаковы (их было пятеро) были арестованы и расстреляны. Вот именно в это время произошло знакомство Гули с будущим мужем. Она в это время жила с матерью и отчимом композитором Козицким на Малоподвальной 13, училась в 53 школе.

Ефим Чеповецкий в книге "Колесо вперед, колесо назад", изданной в Чикаго, пишет: "Однажды на вечере в Гулиной школе появился Алеша Пятаков – племянник знаменитого всесоюзного наркома Пятакова "шпиона и предателя Родины " На наш вопрос: "Чем обязаны Вашей персоне?" он ответил – "Братья, я прокаженный, со мной не якшайтесь!" В головах наших это всё плохо увязывалось. Ведь портреты его знаменитого дяди, Пятакова, носили на демонстрациях, выставляли в витринах магазинов.

У нас "прокаженных" нет, - войдя в круг обступивших Алешу, сказала Гуля. Защита обеспечена. Пошли танцевать.

И увлекла Алешу в танец. Я отметил про себя – красивая пара. После вечера Гулю провожал домой Алеша и стали они видеться каждый день. По окончании школы, после выпускного вечера, Гуля нам объявила – мы с Алешей поженились. Кто хочет, приходите на свадьбу.

Я был на свадьбе. Гулины родители не поскупились на угощение. Алеша напился "до положения риз" и был отведен в Гулину комнату посреди торжества. Вином, как мы знаем, он увлекался и до этого.

Гуля в начале войны родила сына, которого ласково называли Ежиком. С родителями и сыном она эвакуировалась из Киева, а затем, оставив сына матери, ушла на фронт, где героически погибла.

А судьба Алеши Пятакова сложилась весьма печально. Когда началась война, НКВД изолировало все семьи репрессированных. Его сослали в Норильск. Когда он вернулся в 1956 г., Козицкие-Королевы его не приняли, сказав, что ребенок не его, и звать его не желают. Он опустился до неузнаваемости и, кажется, в 50-тые годы умер".

На самом деле Алексей Александрович Пятаков умер только в 1972 г. Вернувшись из ссылки, он стал мужем Гулиной подруги - искусствоведа, пом. режиссера, актрисы Клавдии Аркадьевны Донской (1923-2002). Он был умным, эрудированным человеком, но алкоголиком. Она пыталась лечить его, но безуспешно. У них часто бывал Виктор Некрасов, она познакомила Ежика с отцом, но, к сожалению, они вместе выпивали. Пришлось Донской развестись с мужем и он поселился с матерью, которая вернулась из ссылки и получила маленькую комнату в коммунальной квартире № 9 в доме № 30 на Тарасовской. Сын упрекал мать за то, что она не уехала за границу, как другие члены семьи Терещенко, даже поколачивал её, а потом сдал в дом престарелых в Пушче-Водице, где она умерла в 1968 г. Ежик стал врачом-анестезиологом в Железнодорожной больнице. С отцом он не встречался и отказался хоронить его, когда тот умер в 1972 г. Похоронил его мой сосед, сын Донской на Байковом кладбище.

В кв.10 дома №30 жила семья профессора Киевского лесохозяйственного института Зиновия Степановича Головянко (1876-1953). Он основоположник экологического направления в защите леса от вредных насекомых. Это направление основывается на явлении устойчивости леса против этих организмов. В экосистеме леса действуют факторы, которые способны удерживать их на уровне ниже порога вредоносности. Задачей лесного хозяйства является не нарушать эффективность этих факторов в лесах естественного происхождения и обеспечивать их эффективность в лесах искусственного происхождения.

В последнее время экологический подход в защите леса приобретает все большее признание. Этому способствует осознание отрицательных последствий использования пестицидов и неспособность их обеспечить надежную защиту леса от вредных насекомых.

№32. Не сохранились дома №№32-36 – остались лишь фотографии в книге Галайбы (стр. 325). Интересную историю о доме №32 рассказала Елена Натановна Рахлина.

В доме №32 жила семья преподавателя музыки Александра Васильевича Семиченко, у которых был целый шкаф материалов, посвященных музыкальной истории семьи. А началась эта история с его отца – Василия Семеновича Музыченко. Он был крепостным князя Лопухина, у которого в Корсунь-Шевченковском был свой оркестр. Лучшим музыкантам он давал образование, привозил свой оркестр в Киев, где они играли в зале Купеческого собрания Бетховена, Мендельсона, Вагнера. После отмены крепостного права весь оркестр перебрался в Киев, музыканты купили дома, давали концерты. Василий Семенович, флейтист, получивший музыкальное образование в Петербурге, поражал киевлян своей виртуозностью и эмоциональностью. В 1873 г. он подружился с Лысенко, который познакомил его с Чайковским. Чайковский оценил искусство Семиченко (он сам, учась в консерватории, играл на флейте). Он крестил дочь Семиченко Екатерину и очень опекал его сына Александра, который тоже играл на флейте, помог ему поступить в Петербургскую консерваторию. Закончив её, Александр Васильевич Семиченко поселился на Тарасовской №32. Дважды в год, бывая в Киеве при поездке к сестре в Каменку, Чайковский всегда посещал этот дом, где его всегда радостно встречали. В семье гордились тем, что Василия Семеновича Чайковский попросил сыграть что-нибудь из его репертуара, и ему так понравилась трель, напоминая руладу на сопилке, что он ввел её в китайский танец балета "Щелкунчик". В свой последний приезд в Киев Чайковский дирижировал оперой "Евгений Онегин". На следующий день он принес на Тарасовскую свою сувенирную дирижерскую палочку черного дерева с окончанием из слоновой кости, которую ему подарили в Петербурге. Он попросил Александра Семеновича подарить ее тому музыканту, которого он сочтет достойным. Вскоре Чайковский умер от холеры, и долгие годы палочка была семейной реликвией. В 1937 г. состоялся Первый Всесоюзный конкурс дирижеров, на котором 1 место не присуждали, а второе разделили Евгений Мравинский и Натан Рахлин, 3 место - Мелик-Пашаев. Эти композиторы на долгие годы определили пути мирового симфонизма. В авторской части программы Рахлин исполнял Чайковского. И Семиченко передал ему дирижерскую палочку Чайковского. После смерти Рахлина она хранилась в музее Пушкина и Чайковского в Каменке.

А Семиченко оставался в Киеве во время Великой Отечественной войны. Его старший сын был женат на еврейке и он отправил её с внуками в Корсунь-Шевченковский. Соседи выдали его, и почти 90-летнего старика немцы отправили в концлагерь под Львовом. Он выжил и вернулся в Киев и умер в 1945 г. в 89 лет. Похоронен на Байковом кладбище.

В 70-е гг. 19 века где-то на Тарасовской жил замечательный педагог, просветитель, гуманист Константин Дмитриевич Ушинский (1824-1871). Он прожил в Киеве три года из своей короткой жизни (он умер на 47 году жизни), и успел многое сделать за это время. Жизнь его складывалась трудно. Он родился в

1824 г. на маленьком хуторе под Новгород-Северским в семье мелкопоместного дворянина, отставного военного. Его мать происходила из украинского рода греческого происхождения – она была племянницей Капниста. Вскоре после рождения сына она умерла, и мальчик рос под присмотром ласковой и доброй мачехи. Костя учился в Новгород-Северской гимназии не очень старательно, больше предавался мечтаниям и не злобным шалостям, чем гимназическим занятиям. Директор гимназии Тимковский (брат матери Максимовича) появлялся в гимназии раза 2 в году, но за эти несколько дней успевал вызвать у гимназистов уважение к науке и любовь к Украине. Под его влиянием Костя начинает старательно учиться, поступает в Московский университет. Своей целью 20-летний Ушинский считает "Приготовлять умы! Рассеивать идеи!". Он понимает, что освободить страну может только движение народных масс, а поэтому надо действовать для потомства, пробуждать энергию народных масс. Для этого надо не терять минуты даром. И он вырабатывает 10 правил для самоусовершенствования: вставать в 4 утра; читать для ума; думать о дельном. У него всю жизнь было много врагов.

В 22 года Ушинский блестяще закончил юридический факультет Московского университета. Его назначают профессором в Демидовский лицей в Ярославле. Он молод, энергичен, смел, жаждет преобразований. Он критикует состояние преподавания в Лицее и преподавателей. Кому же это может понравиться? И не успел он опомниться, как остался без места, без средств к существованию. Он потерпел поражение, но понял, что его призвание – педагогика. Он ищет места, посылает прошения в 30 уездных училищ, он готов учительствовать, где угодно. Но места нет. А уже есть семья. В 25 лет он женился на знакомой с детства Надежде Семеновне Дорошенко, владелице хутора из 12 дворов с барским домом. У них родились 3 сына и 3 дочери. Ушинский очень любит детей; лето они проводят на хуторе жены под Новгород-Северским. Он занимается переводами – целыми ночами сидит над ними ради жалких копеек. Пишет обзоры зарубежной печати в "Современник." И так целых 5 лет! В 1855 г. его, наконец, приглашают в Гатчинский сиротский институт. В нем 20 лет простояли закрытыми 2 больших шкафа педагогических книг. Это были книги бывшего инспектора Института – ученика Песталоцци. "Этим двум шкафам я обязан в жизни очень, очень многим" - пишет Ушинский. Едва дочитав их, он пишет горячую, может быть, самую лучшую свою статью "О пользе педагогической литературы". Он подмечает простой закон – парадокс! "Воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни! Только трудом может быть счастлив человек". И Ушинский пересматривает все основные элементы школы: её устройство, учебники, методы преподавания. Он не только рассуждает, как надо учить, но и учит сам. Он пишет учебник "Детский мир", который не просто сообщал знания, а развивал, учил думать, а, главное, был интересен детям. Он пишет учебник русского языка "Родное слово" - ведь главное не западный или древний, а родной язык. Он мечтает о 25 изданиях своего учебника, а их вышло 157 – более 10 млн. книг! Таких тиражей не знали ни Пушкин, ни Толстой!

Из Гатчино Ушинского с повышением переводят инспектором в Смольный институт благородных девиц. В нем царят своеобразные порядки – воспитанницы не имели права задавать вопросы, никто из них не читал ни "Евгения Онегина", ни Гоголя, ни Лермонтова. Ушинский меняет ряд преподавателей и саму систему преподавания. И за короткое время девушки изменились, стали читать, думать, задавать вопросы. Воспитанница Водовозова получила от матери такое письмо: "До сих пор ты писала мне деревянные, официальные письма, глубоко огорчавшие меня. Если такая перемена могла произойти с тобой, которую я считала совсем окаменевшей, то это мог произвести только гениальный педагог". Но коллеги не хотели терпеть гениального педагога. На него посыпались доносы: он принимал институтского священника дома, сидя в халате; он сидел на экзамене в присутствии императрицы; он знакомил учениц с теорией Дарвина! Его обвиняют в неблагонадежности. Несколько суток, почти не вставая, Ушинский пишет оправдания, чтобы восстановить доброе имя, отвести угрозу от семьи. Когда он принёс бумагу в Смольный, сослуживцы отшатнулись – он посидел за эти несколько страшных для него дней и стал харкать кровью.

Из Института пришлось уйти. Правда, ему оставили прежнее содержание и послали в командировку за границу. 5 лет он прожил с семьей в Швейцарии. Именно там он познакомился и подружился с Пироговым, тоже раненым на педагогической работе. За это время, несмотря на тяжелую болезнь, Ушинский написал 2 из задуманных им 3-х томов "Педагогической антропологии". Это первая энциклопедия для русских учителей. В ней он показал, как воспитывать и обучать дельного человека, и каким быть учителю. Позже о нем говорили: "Как профессия, педагогика существовала и до Ушинского, но после Ушинского она стала для людей призванием, служением, а не службой".

По рекомендации Пирогова Ушинский в 1869 г. приезжает в Киев, поселяется на Тарасовской улице. А в 1871 г. на него обрушилось самое большое его несчастье. Старший сын его Павел, любимец отца, только что блестяще закончивший гимназию, смертельно ранил себя на охоте. Узнав об этом, Ушинский упал в обморок и больше уже не вставал. Он умер в 47 лет – в этом возрасте Песталоцци еще по-настоящему не начинал своей педагогической деятельности, а Пирогов только приступал к ней. Как много мог бы еще сделать Ушинский! Согласно его завещанию, он похоронен на территории Выдубецкого монастыря, на его могиле посажен каштан.

Но если неизвестен дом, в котором жил Ушинский, то точно известен дом, в котором родился Максим Рыльский.

№ 21. Сам фасадный дом не сохранился, во дворе – новое элитное здание 21(б). Фасадный дом, принадлежал Игнатию Климентьевичу Каменскому, у которого в конце 19 века снимал квартиру помещик села Романовка Фаддей Розеславович Рыльский (1840-1902). Он родился в 1840 г. в с. Ставище на Киевщине в семье богатого и родовитого польского шляхтича. Закончил 2 Киевскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет Киевского университета, где сразу же стал лидером среди студентов-поляков, президентом польского землячества. Но под влиянием Антоновича он проникся идеей хлопоманства и

отошел от польской среды, а со временем стал настоящим украинцем. Закончив в 1863 г. Киевский университет, жил в селе Романовка Сквирского уезда, откуда часто навещался в Киев. Он занимался этнографическими и экономическими исследованиями, совмещая их с антиправительственной пропагандой. Он был одним из основателей Старой громады, преподавал в воскресных школах. Умер в 1902 г., похоронен в Романовке. В этом доме №21 в 1895 г. родился его сын Максим Рыльский – замечательный поэт и чудесный человек. Он притягивал людей как магнитом. Его не раз упрекали в "непротивлении злу" и чрезмерном либерализме в отношении к людям. Он отшучивался: "Я, знаете, неисправим. Учился либерализма у Христа, Короленко и Луначарского. Неплохая компания". Его любимым высказыванием было: "Семь раз подумай о ком-нибудь плохо, а на восьмой сделай ему хорошее". Он помог очень многим людям. Был счастлив, когда удавалось восстановить справедливость, освободить невинного из тюрьмы или из другой беды. Он был депутатом, и разные, не всегда честные люди приходили к нему на прием. Один молодой человек, представившийся племянником Куприна, получил от него крупную сумму денег. Хотя афера была очевидной, отказать Рыльский не мог, и сам над собой подсмеивался.

Дейч вспоминает, что Максим Рыльский "был одним из самых остроумных людей, которых я встречал в жизни. Его письма так и искрятся юмором. В августе 1948 г. мы с женой жили в Ирпене, а Максим Фаддеевич с Екатериной Николаевной должны были поехать в Москву. Мы дали им ключи от своей квартиры. Вернувшись из Москвы, Рыльский прислал нам письмо, якобы отправленное нашей кошкой Машкой! "Александру Иосифовичу Дейчу и высокоуважаемой его жене Евгении Кузминичне от кошки Машки всеподданическое донесение:

Божественные мои хозяева!

Не посоветовавшись со мной, вы позволили поселиться в нашей квартире старым баловникам Рыльским. Сначала меня это очень волновало, тем более, что мне были известны некоторые идейные срывы в творчестве Рыльского. Но с помощью неплохой ветчины и пристойных отбивных нашим временным постояльцам удалось установить со мной добрососедские отношения, которые в результате переросли в искреннюю дружбу. Я решила закрыть глаза на некоторые их непорядочные проделки. Моя скромность укрепила нашу дружбу. Не без слез провожая упомянутых Рыльских в их родовое имение Киев с местечком Ирпеном, шлю вам низкий поклон и самое душевное мурлыканье. Собственной лапкой Машка. Передаю ключи и письма. Как грустно быть одинокой! 4.08.1948 г."

В последние годы жизни Рыльский много думал об этической ценности добра. Что любить и что ненавидеть? На этот вопрос так или иначе отвечают все писатели мира. В цикле стихотворений Максима Рыльского "Таємниця осіннього міста" есть стих "Що я ненавижу і що я люблю."

№№23-25. Дом построил в 1900 г. арх. Крауз как доходный дом дворянина Виталия Венедиктовича Панфиловича. Фасад оформлен в стиле Киевский ренессанс. Портал фланкируют колонны коринфского ордера, над входом – женский маскарон, крупные подоконные вставки. В этом доме жила жена Льва

Симиренко – Альдона Эмильтевна Симиренко с сыновьями Платоном и Владимиром. История их знакомства романтична. Лев Платонович в молодости грешил революционными идеями, был в коммуне Дебогория-Мокриевича, затем вошел в группу "Черный передел". Его выдал провокатор, и после года, проведенного в Лукьновской тюрьме, его ссылают в Иркутскую губернию. Там он заболел тифом; его выходила и полюбила польская ссыльная революционерка Альдона Эмильевна Грежецкая. Они обвенчались в тюремной церкви. И после возвращения из ссылки Лев Платонович не имел права жить в Киеве. Он жил в Млееве, Городище. А сыновьям надо было учиться. Вот потому и поселяется Альдона Эмильевна с сыновьями на Тарасовской. Они жили в кв. 19, но сейчас дом полностью перепланировали, и трудно определить, была ли эта квартира в самом доме или в снесенном флигеле (была сквозная нумерация).

Лев Платонович Симиренко был садоводом, он основал знаменитую Млеевскую садово-огородную станцию, вывел много новых плодовых сортов, в том числе знаменитый "Ренет Симиренко". Он был убит выстрелом чекиста в собственном доме в святой вечер 1920 г. А его жена Альдона Эмильевна еще в 1904 г. переехала с сыновьями в Киев. Жили они на ул. Жилянской 31, а затем на Тарасовской №23-25. Мальчики учились в частной гимназии Валькера на нынешней ул. М. Коцюбинского. Володя поступил на сельскохозяйственный факультет Киевского политехнического института, во время Первой мировой войны он состоял во Всероссийском земском союзе, воевал на румынском фронте. Этот опыт пригодился, когда в 1920 г. после трагической гибели отца он возглавил Млеевскую станцию. Он организовал и возглавил Институт садового и ягодного хозяйства в Китаево, был профессором Киевского политехнического института, Уманского и Полтавского сельскохозяйственных институтов. Да вот беда - он был не согласен с методами Мичурина: считал, что его методы не обеспечивают длительного сохранения достоинств сортов. И в ночь на Рождество 7 января 1933 г. его арестовали и приговорили к расстрелу. 11 месяцев провел он в камере смертников, затем был отправлен в колонию. Его освободили. 31 декабря 1937 г. он поехал в Москву, и сразу на вокзале новый арест. 18 сентября 1938 г. Владимир Львович Симиренко был расстрелян. Ему было 46 лет. Так погиб проводивший детство и юность в этом доме выдающийся украинский ученый, садовод, селекционер, генетик, блестящий организатор, яркая личность, организатор действующего до сих пор института.

Время доказало справедливость позиции В.Л. Симиренко в споре с Мичурином: мичуринские сорта давно забыты, а сорт яблок, созданный В.Л. Симиренко, "Слава победителю" популярен до сих пор.

Осталась его жена Мария Демидовна Уляченко-Цеховская (1890-1979) – учительница, активный деятель Украинского красного креста, и дети – Татьяна и Алексей. Они очутились в оккупированном Киеве без средств к существованию и с уникальной рукописью научного труда Владимира Львовича Симиренко "Частичное сортоведение плодовых культур", которая была написана еще в 1932 г. на 1242 страницах машинописного текста. Этот единственный экземпляр и часть отцовского архива пронесла на своих детских плечах через всю Европу, а

затем – через океан в Канаду дочь Татьяна. Мария Демидовна сумела дать детям высшее образование. Алексей Владимирович (1931-1979) стал профессором Миннесотского и Пенсильванского университетов по теории общественных наук, а дочь закончила 2 учебных заведения, знала много языков, работала в МИД Канады. Она унаследовала от отца трудолюбие, энергию и безграничную любовь к Украине. В 1991 г. она привезла в Украину рукопись отца, которая увидела свет через 63 года после написания – в 1995 г. Татьяна Владимировна умерла в 2002 г.

Связан дом №23 с именем замечательной поэтессы Серебряного века Анны Ахматовой (1889-1966), хотя флигель, в котором она жила, снесли. Ахматова несколько лет жила и училась в Киеве. Здесь она прожила последний класс в Фундуклеевской гимназии, которую закончила в 1907 г. Она жила у старшего брата, который женился на ее любимой кузине Нане Змунчило. После гимназии встает вопрос о будущей специальности. Семья жила скудно, так что надо было выбирать профессию, которая позволит себя содержать. В Киеве было не так много вариантов для девушки из дворянской семьи. Она могла стать бонной, гувернанткой, классной дамой, даже преподавать в гимназии. Но для Анны Андреевны это не подходило. Она не любила детей, в ее стихах, пожалуй, было только одно стихотворение, посвященное сыну соседки Вале Смирнову, погибшему при обстреле Ленинграда в 1942 г..

"Постучи кулачком – я открою,
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предаю никогда".

Его иногда оставляла мать у Анны Андреевны. Однажды, уходя, оставила она котлеты, чтобы Анна Андреевна накормила Валю. Та усадила его за стол, поставила перед ним котлету, но он, покрутив ее в руках, запустил в угол. Вторую котлету постигла та же судьба. После третьей котлеты Ахматова вдумчиво сказала: "Валя, по-моему, Вы совсем не любите котлет".

В 1906 г. от туберкулеза умирает старшая сестра Инна, тяжело переболела в Киеве и Аня. И у нее появляются совершенно мрачные мысли относительно своей судьбы, Сергею Владимировичу фон Штерну: "Не знаю, слышали ли Вы о моей болезни, которая отняла у меня надежду на возможность счастливой жизни. Я болела легкими, и, может быть, мне грозит туберкулёз. Живем в крайней нужде, приходится мыть полы, стирать. Вот она, моя жизнь! Гимназию кончила очень хорошо. Доктор сказал, что курсы – смерть. Ну и не иду – маму жаль!"

Тем не менее, на семейном совете решают, что ей подходит служба помощника нотариуса. Это престижно – и юридические знания, и пишущая машинка, и умение дать квалифицированный совет. И Анна Андреевна в 1907 г. поступает на юридический факультет Высших женских курсов, которые располагались в то время на Фундуклеевской 55. Анна Андреевна поселяется поближе к Курсам – в Латинском квартале, где охотно селятся студенты и курсистки. Жили и питались они крайне скромно, на вечеринках пили только чай с бутербродами, но это не спасало от сплетен. Считалось, то курсистки вульгарны и неряшливы, им

запрещали преподавать биологию, чтобы они не узнали о полах. Долго дебатировался вопрос, можно ли принимать девушек на юридическое отделение – ведь там рассматриваются семейные дела, разводы.

Три года учиться на юридическом факультете Высших женских курсов. В автобиографических заметках она пишет: "Пока приходилось изучать историю права и латынь, я была довольна, когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела". Близких друзей у неё не было. Она бывает в гостях у брата, жене которого посвящает свои первые стихи.

Её первое стихотворение "На руке его много блестящих колец" опубликовал Гумилёв в Париже в журнале "Сириус" в количестве 50 экземпляров. Она и не предполагала, что оно дойдет до России и вызовет такой ажиотаж. Сюда на Тарасовскую приходит письмо от отца – отставного инженера-механика флота Андрея Антоновича Горенко, который запретил ей позорить его имя. С тех пор и берет она псевдонимом фамилию любимой бабушки:

"Мне от бабушки – татарки
Были радостью подарки".

В Киеве происходит важное событие в жизни Ахматовой – 25 апреля 1910 г. в Николаевской церкви Никольской слободки она венчается с Николаем Гумилевым.

Три в столовой пробило,
Хочешь знать, как всё это было? –
И прощаясь, держась за перила,
Она словно с трудом говорила:
"Это всё... Ах нет, я забыла,
Я люблю вас, я вас полюбила
Ещё тогда" -
"Да" (1910)"

Царскосельская гимназистка Аня Горенко впервые встретилась со своим будущим мужем в 1903 г.

"В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый".

Ему было 17 лет, ей – 14 лет, возраст Ромео и Джульетты. Эта встреча сразу перешла у Гумилева в пылкую влюбленность, а вот Аня достаточно холодно отнеслась к ухаживаниям некрасивого долговязого подростка и не соглашалась на брак целых 7 лет. Он несколько раз делал ей предложения, но она отвечала отказом. В 1907 г. она пишет мужу умершей сестры: "Я решила сообщить Вам о событии, которое должно коренным образом изменить мою жизнь. Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилёва. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба – быть его женой. Люблю ли я его – я не знаю, но кажется мне, что люблю. А он так страстно любит меня, что даже страшно. Если папа будет против моего брака, я убегу и тайно обвенчаюсь. Скорее бы кончить

Неспешные прогулки по Киеву
Ведёт Анна Борисовна Островская
гимназию! Гумилёв – моя судьба, и я покорно отдалась ей. Я клянусь Вам всем
для меня святым, что этот несчастный человек будет счастлив со мной".

"Я умею любить.
Умею покорной и нежною быть,
Умею заглядывать в очи с улыбкой.
Я умею любить. Я обманно стыдлива,
Я так робко нежна и всегда молчалива,
Только очи мои говорят,
Они ясны и чисты,
Так прозрачно лучисты,
Они счастье сулят".

Но и в 1907 г. Ахматова отказывает Гумилёву. Он 7 раз делает ей предложение, она 6 раз отказывает. И соглашается только в 1910 г.

"Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в 3 часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.
Я её нечаянно прижала,
И казалось, умерла она,
Но конец отравленного жала
Был острее веретена.
О тебе ль заплачу странном,
Улыбнётся ль мне твоё лицо?
Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо".

В 1910 г. молодые Петербургские поэты – Гумилёв, Кузьмин и Алексей Толстой приезжают в Киев на вечер "Остров искусств". Но публика была враждебно настроена газетами, в которых были намёки на кое-что из интимной жизни поэтов, и вечер скандально провалился. Это очень сильно подействовало на Гумилёва – он после этого 3 года не выступал. А за неделю до этого произошла вызвавшая скандальный интерес дуэль между Гумилёвым и давшим ему пощёчину Волошиным. Ахматова была возмущена как можно дать пощёчину поэту?! Узнав о провале вечера, она даёт согласие на брак, скрепляя его клятвой в Софиевском соборе.

"В киевском храме премудрости Бога,
Припав к солее, я тебе поклялась,
Что будет моею твоя дорога,
Где бы она не вилась".

И вот 25 апреля 1910 г. состоялась их свадьба, после которой они уезжают в Париж, затем в Петербург. Но союзу Ахматова-Гумилёв не суждено было стать счастливым. Они были слишком равновеликими, слишком талантливыми, чтобы прощать друг другу и терпеть.

"Из логова змиева,
Из города Киева
Я взял не жену, а колдунью
Я думал – забавницу,
Гадал – своенравницу,
Весёлую птицу певунью.
Покликаешь – морщится,
Обнимешь – топорщится,
А выйдет луна – затомится.
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то – хочет топиться.
Твержу ей: крещенному
С тобой по-мудреному
Возиться с тобой мне не в пору;
Снеси-ка истому ты
В Днепровские омуты,
На грешную Лысую гору,
Молчит – только ёжится,
И всё ей не можется,
Мне жалко её виноватую,
Как птичку подбитую,
Березу подрытую,
Над пропастью Богом залятую."

Киеву посвящено Ахматовой, написанное летом 1914 г., когда она гостила у матери в Дарнице.

"Киев
Древний город словно вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой своей Владимир
Поднял черный крест.
Липы шумные и вязы
По садам темны,
Звезд иглистые алмазы
К Богу взнесены.
Путь мой жертвенный и славный
Здесь закончу я,
И со мной лишь ты, мне равный,
Да любовь моя".

Ахматова страдала от бесконечных измен мужа, а он не мог смириться с тем, что его хрупкая жена ничуть не уступает ему в поэзии. Вскоре после рождения единственного сына Левы, они расстаются.

Снесен дом №27 (Галаба).

№ 29\50. Усадьба принадлежала Эразму Сигизмундовичу Филоновичу. Сейчас живёт член клуба, д.х.н. Наталья Дмитриевна Иванова. Турист, фотограф, лектор.

Угловой 40\52. Ничего не нашла.

Идём к Лыбеди.